

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2 (25), 2021

Тверь 2021

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2021. № 2 (25). 95 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале, архив номеров можно найти в сети Интернет по адресу:
<https://vestnik-ob.ru>

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ	5
Потамская В.П. Ф.Р. Анкерсмит: нарративная лингвистическая философия (часть 1).....	5
Федоров В.В., Федоров М.В. Семантическая аура предикторов развития малых городов	11
Туманова О.И. «Законодательное государство» в представлении Карла Шмитта	17
Торгованова О.Н. К вопросу о развитии теории социального капитала	22
Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е. Экзамен по философии: старые ценности в новом формате.....	27
Занегина Н.В. Христианство и традиция «умыкания»	33
Мартюшов В.Ф., Золотов А.А., Ломакин А.С., Боровик В.В. Цифровизация и подрастающее поколение: вызовы современности	41
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	48
Сизова В.В., Крижовецкая О.М. Педагогическая эмпатия как фактор успеваемости учащихся	48
Нефедьева В.С., Сварчевская Т.В. Личностно-деятельностный подход к обучению иностранцев русскому языку: опыт создания современного учебника.....	54
Похилук Ф.В., Филиппченкова С.И. Психологические детерминанты принятия управленческих решений современными руководителями	58
Власенко Н.Ю. Особенности трансформации личностной структуры пожарных-спасателей на разных этапах службы.....	64
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	75
Азарова Л.В. Особенности применения лизинга в России как финансового инструмента кредитования	75
Пирогов А.А., Рустиков Р.А., Розов Д.В. Повышение качества сервиса доставки заказов в интернет-торговле	80
Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Социальные последствия введения Единого государственного экзамена в России: мнение экспертов	86
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ.....	92

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT.....	5
Potamskaya V.P. F.R. Ankersmit: narrative linguistic philosophy (part 1)	5
Fedorov V.V., Fedorov M.V. Semantic aura of predictors of small-town development	11
Tumanova O.I. «Legislative state» in the representation of Carl Schmitt.....	17
Torgovanova O.N. Theories of social capital.....	22
Martyushov V.F., Mikhailova E.E. Philosophy exam: old values in a new format	27
Zanegina N.V. Christianity and tradition of the «abduction»	33
Martushev V.F., Zolotov A.A., Lomakin A.S., Borovick V.V. Digitalization and younger generation: challenges of the present.....	41
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE.....	48
Sizova V.V., Krizhovetskaya O.M. Pedagogical empathy as factor of academic achievement	48
Nefedyeva V.S., Svarchevskaya T.V. Personal and activity-based approach to teaching foreigners russian: experience in creating a modern textbook.....	54
Pokhilyuk F.V., Filippchenkova S.I. Peculiarities of professional activities of organizational psychologist: objectives and principles of work with personnel	58
Vlasenko N.Y. Peculiarities of transformation of the personal structure of fire-rescueers at different stages of service.....	64
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT	75
Azarova L.V. Features of the use of leasing in the Russian Federation as a financial credit instrument	75
Pirogov A.A., Rustikov R.A., Rozov D.V. Improving the quality of the order delivery service in online commerce	80
Blokhina M.V., Grigoryev L.G. Social consequences of the Unified State Examination introduction in Russia: the opinion of experts.....	86
ARTICLE RULES FOR JOURNAL PUBLISHING.....	92

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1 (091)

Ф.Р. АНКЕРСМИТ: НАРРАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ЧАСТЬ 1)

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-5-10

В статье рассматривается лингвистическая нарративистская философия Ф. Анкерсмита, сосредоточенная на исследовании проблемы исторического нарратива, соотношения языка и мира. Указывается, что основополагающим элементом в повествовании, неким образом или картиной прошлого, совокупностью высказываний, наделенной свойствами сообщаемого в высказываниях, является нарративная субстанция.

Ключевые слова: история, нарратив, лингвистический поворот, философия истории.

Франклин Анкерсмит – профессор теории истории и интеллектуальной истории – принадлежит к числу философов, приобретших популярность среди англоязычных авторов конца XX в. [4]. Его философия ассоциируется с постмодернизмом, историческим нарративом, лингвистическим поворотом и последующим отказом от него. В ходе рассуждений относительно статуса истории ученый подчеркивал, что она является скорее эмпирической дисциплиной, а не наукой. Во-первых, историк работает с данными прошлого, которые могут быть подтверждены или опровергнуты эмпирически. Во-вторых, целью истории можно считать «отображение исторического опыта прошлого» [1, с. 202].

Ф. Анкерсмит предлагает две альтернативные формы философии истории: «нарративистскую философию истории», которую он отождествляет с интерпретативной, лингвистической, постмодернистской философией истории, и «эпистемологическую философию истории», сопоставимую с дескриптивной, аналитической, традиционной философией истории.

Традиционная рассматриваемая философия основывалась на кантианских, трансценденталистских принципах и декартовской эпистемологии, поэтому много внимания уделялось исключительно эпистемологической стороне исследований. Характерное разделение субъекта и объекта привело к разрыву между миром и сознанием. В пределах эпистемологической философии истории ученые сосредотачивались на поисках критериев истинности исторических объяснений, исследовании взаимосвязей между историческими утверждениями и тем, относительно чего они сформулированы. Источниками эпистемологической философии истории являлись «отрицание немецкого историзма и спекулятивной философии истории, “модель охватывающих законов”, герменевтика Р.Дж. Коллингвуда» [1, с. 46]. По мнению Ф. Анкерсмита, ни одна из теорий эпистемологической философии не оказалась успешной. Причинами этого послужили отсутствие интереса к реальной исторической практике,

чрезмерный сциентизм, исследование деталей исторического процесса, утверждение идентичности повествования об истории и прошлого, отказ от анализа языка.

Нарративистская философия истории, в свою очередь, сосредоточена на лингвистических конструктах, создаваемых историком для понимания прошлого. Ее центральная проблема – исследование языка.

Ф. Анкерсмит выделил три этапа в становлении нарративизма: 1) психологический нарративизм (У. Гэлли и А. Лоч): в центре дискуссий – вопрос о том, какие психологические механизмы должен задействовать историк в умах читателей, чтобы они могли принять его рассказ о прошлом; 2) рассмотрение нарратива как серии нарративных аргументов (см. работы М. Уайта и А. Данто): наличие в рассказе историка множества событий, которые могут быть связаны между собой посредством охватывающих законов; 3) лингвистическая философия (Х. Уайт), в рамках которой осуществляется перевод прошлого в нарративный текст посредством тропов [2, с. 113–115].

Ф. Анкерсмит сконцентрировался на лингвистической нарративистской философии и исследовал проблемы исторического нарратива, соотношения языка и мира [3, с. 9–10]. В книге «Нарративная логика» для него существовала только одна реальность – язык [3, с. 137]. Как и М. Уайт, Ф. Анкерсмит полагал, что нарративы не могут быть обнаружены в прошлом и не существуют внутри событий [9]. По словам Э. Доманской, «Нарративная логика» посвящена логической структуре нарратива и дополняет ставшую уже классической «Метаисторию» Х. Уайта, предлагая зрелый нарративизм, сопровождаемый металогическим подходом [6, р. 178].

Внимание нарративистской философии сосредоточено на логической природе языковых сущностей, используемых для исследования прошлого, однако Ф. Анкерсмит выступал против излишней сциентизации нарратива. Говоря о необходимости изложения положения дел в прошлом, однозначно описываемых с помощью констатирующих высказываний [3, с. 32–41], философ избегал эпистемологических аспектов изучения нарратива, хотя их возможность исследована в рамках исторической эпистемологии. Для философа также не представляли интереса проблемы анализа этических требований, однако любой нарратив включает в себя какие-либо этические ценности в силу того, что его создатель эксплицитно или имплицитно вносит в содержание свои оценки и воззрения.

Попытка Ф. Анкерсмита проанализировать нарратив базируется на описании проблемы возможности нарративного знания исторической реальности, в рамках которого «прошлое может быть описано в констатирующих единичных высказываниях, являющихся либо истинными, либо ложными» [3, с. 91]. Но философа главным образом интересуют языковые средства, используемые для выражения знания. Он занимает антиредукционистскую позицию, рассматривая нарративы как нечто большее, нежели конъюнкции предложений. Помимо редукционизма, возражения Ф. Анкерсмита вызывают и другие методы текстового анализа, в рамках которого разграничиваются поверхностная структура текста (повествование как таковое), глубинная структура (семантическое ядро), правила трансформации и грамматика нарратива. Анализируя методы текстового анализа, мыслитель пришел к выводу, что все

предложения в целом определяют содержание нарратива, хотя одни предложения делают это в большей степени. Исследование нарратива нельзя свести к значению отдельных предложений [3, с. 94–95].

Нарратив является историческим материалом, созданным после события, и сводится к историографии и историческим текстам. История создается в большей степени историческими интерпретациями, а в меньшей исследуется через прошлое и тексты как источники. Следовательно, при изучении прошлого следует опираться на нарративы и их лингвистические средства выражения. Это положение может вызвать возражения, так как прошлое выражается не только посредством его нарративизации, но и в памятниках материальной культуры. Стало быть, Ф. Анкерсмит сознательно ограничивает область исследования истории повествовательными средствами. Подобная установка является достаточно дискуссионной. Например, П. Загорин отмечает, что исследование языка в историографии разрушает историческое сочинение, так как язык подчинен историку в его стремлении обеспечить наиболее истинный способ понимания прошлого [10, р. 271].

Ф. Анкерсмит выделяет две позиции относительно природы нарратива, а именно нарративный реализм и нарративный идеализм, и характеризует себя как идеалиста, сопоставляет предлагаемый им нарративный идеализм с попперовским научным идеализмом, согласно которому любая теория должна быть сфальсифицирована. Прошное, в соответствии с подобной точкой зрения, не наделено никаким скрытым механизмом: смысл в историю вносит сам познающий субъект. Прошное также не может быть перенесено на лингвистический уровень с помощью правил перевода, так как историк сам создает нарратив. Язык в нарративе используется для повествования как об интенциональном человеческом действии, так и о неумышленных результатах этого действия [2, с. 162].

Обращаясь к структуре исторического нарратива, Ф. Анкерсмит указывал, что прошлое не обладает нарративной структурой и только историк способен придать исторической реальности эту структуру, систематизировав разрозненные события, собрав их в единое целое. Историк, несмотря на то, что не обладает опытом прошлого, посредством работы с источниками, не являющимися непосредственно самой реальностью, повествует о нем (об этом прошлом) [3, с. 35]. Структура исторического нарратива представлена сингулярными высказываниями, описывающими когда-то бывшую реальность. При этом следует отметить определенный холизм философа в восприятии нарратива как целостности: «Когда мы собираемся говорить о нарративах как таковых, мы не можем позволить себе делить их на части: мы должны совладать с целыми нарративами» [3, с. 289]. По мнению Ю. Зеленака, подобный холизм является одной из фундаментальных идей философии Ф. Анкерсмита, и эту идею прекрасно передает следующее выражение: историческая репрезентация не может быть сведена к простой сумме высказываний [8, р. 325].

С одной стороны, Ф. Анкерсмит воспринимает текст как целостность, но с другой – использует методологический аппарат лингвистической философии и исторической науки, что послужило одной из причин, почему его подход не был широко воспринят обеими группами теоретиков (т. е. философами и

историками): некоторые разделяли его цели, но критиковали аналитические приемы анализа; другие принимали его методологию, но отрицали задачи [6, р. 178]. В частности, Д. Келли отмечал, что Ф. Анкерсмит предлагает поверхностное отрицание исторического исследования, под которым голландский философ понимает не только всю область изучения, но также описание и интерпретацию свидетельств [7, р. 38]. Даже благоприятный отзыв М. Уайта не оказал практически никакого влияния, хотя М. Уайт сопоставил важность исследования Ф. Анкерсмита с переводом одной из книг П. Рикера на английский язык, которая была опубликована в том же году [6, р. 178].

Основополагающее значение в нарративе играет нарративная субстанция. Ф. Анкерсмит, заимствуя идею связывающих понятий, позволяющих подвести «широкий спектр различных явлений под общий знаменатель (Ренессанс, Просвещение)», У. Уолша, предлагает применять к ним более удачный термин «нарративная субстанция». Как отмечает П. Айк, Ф. Анкерсмит, восприняв указанную идею, сократил ее до проблематичной прямой референциальной связи с прошлым, назвал нарративной субстанцией и включил в лингвистическую среду, созданную Х. Уайтом и Р. Бартом [7, р. 23].

Нарративная субстанция – образ или картина прошлого, совокупность высказываний, наделена свойствами сообщаемого в высказываниях, но не является при этом частью самих этих высказываний. Ф. Анкерсмит также подчеркивает «беспредпосылочность» нарративных субстанций, их «основательность» в языковом дискурсе [5]. По сути, философ приписывает нарративным субстанциям свойства сущностей, описанные Аристотелем: «Сущность – это та, которая не говорит ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь» [4, с. 29]. Тем самым нарративная субстанция, по Ф. Анкерсмит, является первичной логической сущностью в историографических описаниях прошлого.

Определенное влияние на концепцию нарративных субстанций оказали воззрения Г. Лейбница. Во-первых, нарративные субстанции просты, как монады; содержащиеся в них высказывания являются их свойствами. Во-вторых, лейбницевское утверждение о предустановленной гармонии нашло отражение в тезисе о гармоничном строении нарративистского мира. В-третьих, нарративная субстанция «содержит все свои предикаты с необходимостью. Поэтому, если Nss (нарративные субстанции – прим. авт.) теряют или приобретают некоторое свойство, они изменяют свой характер, как и монады» [3, с. 189–191].

В нарративе высказывания выполняют двойную функцию: они отсылают к вещам или аспектам прошлого, т. е. индивидуализируют нарративную субстанцию, и описывают реальность. Однако возможность точного установления субстанций иногда трудна из-за того, что они неуловимы и неотчетливы. Знание того, какая именно предложена в нарративе, равносильно пониманию нарратива как повествования. Вместе с тем нет основания, помимо статуса отдельных высказываний, наделять множества высказываний каким-то еще статусом. Все, что можно сказать с помощью нарративных субстанций, можно также передать с помощью отдельных выражений. Философ предлагает «бельведерскую» теорию нарратива: «Высказывания в нарративе можно рассматривать как средства достижения “точки зрения”» [3, с. 314]. Иными словами, высказывания напоминают ступени лестницы на бельведер,

но увиденное в конечном счете шире того, что выражают сами высказывания. «Нарративные точки зрения всегда представляют собой способы видения исторической реальности» [3, с. 314–315].

Ф. Анкерсмит говорит о двух критериях оценки истинности нарратива: 1) истинности или ложности входящих в него высказываний; 2) степени важности данных, сообщаемых в отдельных высказываниях [3, с. 108–109]. Он сосредотачивал внимание на втором и отмечал, что когнитивный потенциал нарратива достаточно зыбок из-за отсутствия устойчивого соответствия исчезнувшей реальности. Следовательно, мы не можем говорить об истинности или ложности нарративов в том смысле, в каком мы говорим об истинности или ложности высказываний. Поэтому Ф. Анкерсмит предлагает применять термины «субъективный» и «объективный» в качестве нарративных аналогов. Объективный нарратив обладает наиболее широкой областью, является наименее конвенциональным и наиболее оригинальным [2, с. 333–335]. Всегда существует логическая возможность вслед за объективным нарративом предложить другой, более соответствующий критерию объективности, что в целом коррелирует с идеей фальсификации К. Поппера. Позднее, в работе «История и тропология. Взлет и падение метафоры», Ф. Анкерсмит пришел к убеждению, что историография не обладает никаким общеприменимым критерием для различения удовлетворительных и неудовлетворительных интерпретаций. Можно говорить только об интертекстуальном взаимодействии между историческими нарративами, с которыми исследователь сталкивается при изучении некоей темы [2, с. 130].

Итак, в «Нарративной логике» для Ф. Анкерсмита существовала только одна реальность – язык. В целом мыслитель следовал за точкой зрения М. Уайта, утверждая, что нарративы не могут быть обнаружены в прошлом и не существуют внутри событий. Философ определял себя как «нарративного идеалиста»: прошлое не обладает нарративной структурой и скрытым смыслом и только историк способен придать их исторической реальности, систематизировав разрозненные события. Прошлое также не может быть перенесено на лингвистический уровень с помощью правил перевода.

Структура исторического нарратива представлена сингулярными высказываниями, описывающими прошлую реальность. Хотя Ф. Анкерсмит говорит о сингулярных высказываниях, следует отметить его холизм в восприятии нарратива как целостности. Мыслитель, заимствуя идею связывающих понятий Уолша, предлагает применять к ним более удачный термин «нарративная субстанция». Исторический текст состоит из нарративных субстанций, которые репрезентируют прошлую реальность и могут быть охарактеризованы как обладающие разной степенью дескриптивных возможностей.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

3. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Кукарцева М.А. Ф. Анкерсмит и «новая философия истории» [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000879/st000.shtml> (дата обращения: 16.02.2021).
5. Стрелков В.И. К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии Ф.Р. Анкерсмита [Электронный ресурс]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/strelkov.htm> (дата обращения: 28.02.2021).
6. Domanska E. Frank Ankersmit: from narrative to experience [Electronic resource]. URL: <http://www.staff.amu.edu.pl/~ewa/Domanska,%20Frank%20Ankersmit%20From%20Narrative%20to%20Experience.pdf> (date of access: 10.12.2020).
7. Icke P. The Journey from language to experience: Frank Ankersmit's lost historical cause. N.Y.: Routledge, 2012. 198 p.
8. Radoulska S. Historical thinking and representation in Caryl Phillips «Higher ground» and J.M. Coetzee's «Dusklands» [Electronic resource]. URL: <http://e-spacio.uned.es/fez/eserv/bibliuned:Epos-2012-28-6100/Documento.pdf> (date of access: 13.02.2021).
9. Timmins A. Frank Ankersmit's lost historical cause: a journey from language to experience. Review [Electronic resource]. URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/1245> (date of access: 03.02.2021).
10. Zagorin P. Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // History and Theory. Wesleyan University: Middletown, 1990. P. 263–274.

F.R. ANKERSMIT: NARRATIVE LINGUISTIC PHILOSOPHY (PART 1)

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article deals with F. Ankersmit's linguistic narrativistic philosophy, which focused on the study of the problem of historical narrative, the relationship between language and the world. It is indicated that a narrative substance is the fundamental element in the narrative, the way or in a picture of the past, a set of statements endowed with the properties of what is communicated in statements.

Keywords: history, narrative, linguistic turn, philosophy of history.

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3657-9312; e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor of the Department of Media Technologies and Public Relations of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3657-9312; e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 172:159.9(075.8)+ 712.253.011

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АУРА ПРЕДИКТОРОВ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

В.В. Федоров, М.В. Федоров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Федоров В.В., Федоров М.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-11-16

Малые исторические города рассматриваются как структурный элемент смыслового поля национальной культуры, способ воплощения жизни человека в конкретных пространственно-временных условиях. Семантическая аура (событие выражения) поселения оценивается с помощью совокупности групп прогностических факторов (предикторов) его развития. Интегральные оценки сложившейся городской среды основываются на анализе эмоционально заряженных образов природной, архитектурной среды, а также эргономических, экологических и жизненных ситуаций. Показано, что эмпирические результаты субъективно-семантического прочтения городской среды различными субъектами восприятия ожидаемо отличаются (по некоторым группам предикторов). Констатируется необходимость выявления и реализации структурно-преобразовательного потенциала малого поселения с учетом предикторов, включающих опосредованную оценку эстетики, поэтики и когнитивных данных самого широкого круга (архитектурно-градостроительных, климатических, топографических, культурологических и пр.).

Ключевые слова: архитектура, система расселения, малый исторический город, предикторы развития.

Культурологический взгляд на феномен малого города позволяет, во-первых, выйти за рамки законов социальной действительности или исключительно теории архитектуры и градостроительства, во-вторых, связать особенности социального бытия и отношения между познающим субъектом и семантикой среды. Динамическое развитие природы смыслов, заключенных в понятии «малый исторический город», может быть реализовано путем одновременного анализа различных оттенков его семантической ауры как «события выражения» (М.М. Бахтин).

Синхронно-диахронный подход к малому городу как живому организму уточняет взаимосвязи между неказистой (очень часто) формой и содержанием, их восприятием и осмыслением. Трудно согласиться с допущением, что малый город – исчезающее явление в мировой практике градостроительства. В рамках избранной семантической модели, усложненной смыслами достоверности, историчности, причинности, он предстает как набор прогностических факторов (семантических компонентов), важный момент социальной действительности (уже хотя бы в силу масштабов населения).

Общемировые процессы урбанизации внешне проявляются в постепенном перемещении населения в городские системы расселения, внутри которых, в

свою очередь, все большая часть населения концентрируется в агломерациях. Для Российской Федерации это 15–20 образований, где проживает уже более $\frac{3}{4}$ населения страны. Городская агломерация выглядит как планетарная система, элементы которой связаны сложной сетью социально-экономических отношений с центром агломерации. Однако определенная часть населения продолжает жить в малых городах и поселках городского типа (мы не обсуждаем здесь сельские системы расселения), находящихся как внутри, так и за пределами ареала, очерченного двухчасовой изохроной транспортной доступности центра агломерации.

Малые города России (с населением до 50 тыс. человек; 794 города в 2020 г.) представляют собой важный сектор пространства социального бытия, где отбираются, трансформируются и хранятся достижения культуры, сформировавшиеся в больших городах. Маловероятно, что одно из таких компактных поселений превратится в сверхновую (центр агломерации) и начнет стремительно увеличиваться в размерах. Малые города всегда будут присутствовать в городских системах расселения, сохраняя свой статус относительно небольших поселений. Для них характерны и значимы особые семантические признаки (природные условия, формы рельефа, акватории, планировочные решения, памятники архитектуры и т. д.), которые представляют собой **систему прогностических факторов (предикторов) развития малого города.**

Архитектурная среда – важный компонент смыслового поля культуры, необходимое средство воплощения жизни человека в конкретных пространственно-временных условиях. Отсюда проистекает актуальность изучения того, как воспринимает и оценивает человек пространство поселения, в котором он оказался на время или проживает постоянно. Поэтому исключительную роль приобретают семантические признаки сложившейся городской среды, оценка качеств которой основывается на анализе эмоционально заряженных образов архитектурных объектов, природы, эргономических и жизненных ситуаций.

Городская среда малого города возникает из особого социокультурного ландшафта (ритмического оформления повседневной жизни), сформированного общественными и экономическими факторами. Прежде всего, планировочные схемы и характер застройки носят выраженный «пешеходный» характер, оцениваемый метрами и минутами, а не километрами и часами. Сюда очень трудно привлечь крупного инвестора, скорее, это место сосредоточения объектов малого бизнеса. Малым городам свойственна исключительная зависимость от бюджетного финансирования разных уровней, поэтому минимально количество нового (даже не очень масштабного) строительства. Реконструктивное вмешательство ограничивается локальными задачами создания комфортной и безопасной городской среды (объем капиталовложений в рамках выигранных региональных и общероссийских конкурсов обычно не превышает 50 млн руб.).

Объектом нашего исследования является система малых исторических поселений Тверской области, **предметом** – город Кашин (имеет этот статус с 1238 г.). Место с населением около 14 тыс. человек расположено на берегах реки Кашинки (левого притока Волги), в 150 км от Твери и в 180 км от Москвы,

недалеко от границы с Ярославской областью. Через город проходят железная дорога и автомагистраль.

Для малых исторических поселений десятки семантических признаков городской среды [1; 2] могут быть сведены в пять укрупненных групп предикторов (прогностических факторов) развития: 1) природно-климатические условия [3]; 2) социокультурные черты [4; 5]; 3) архитектурно-планировочные решения [7]; 4) наличие градообразующих объектов [8]; 5) уровень комфортности городской среды [9].

Природно-климатические условия

Рельеф территории «Кашин-града на заросшей реке» равнинный. Отметка «около 200 м выше уровня моря» повсеместно встречается по течению р. Кашинки и двух малых впадающих на территории города рек. Встречаются также невысокие холмы (до 10–12 м).

Продолжительность периода с температурой воздуха выше 10 °С – около 125–130 дней. Дневная температура воздуха в июле составляет 21,5 °С. Средняя продолжительность периода с устойчивым снежным покровом – 140 дней.

Социокультурные черты

Кашин – малый исторический город с богатым духовным наследием, ведущий религиозный центр (на исходе XIX в. в нем насчитывалось 29 храмов и 3 монастыря). В течение столетий поселение являлся местом паломничества для православных христиан (первосвященник региона имел статус архиепископа Тверского и Кашинского). С городом тесно связано имя знаменитой русской святой Анны Кашинской, супруги великого князя тверского Михаила. Святая считается покровительницей города, ее мощи находятся в Вознесенском соборе Кашина.

В городе чеканили собственную монету, вели летописи. Это был крупный торговый центр. Уже к концу XVIII в. в нем было множество каменных домов, зданий и сооружений.

Архитектурно-планировочные решения

Веками Кашин называли «городом русского сердца» из-за того, что река, петляя по городу (фарватер имеет шесть изгибов в пределах городской черты, коэффициент извилистости > 2,85), образует форму сердца, а многочисленные храмы расположены на перекладинах воображаемого креста, пространство между которыми занимали слободы и посады (рис. 1).

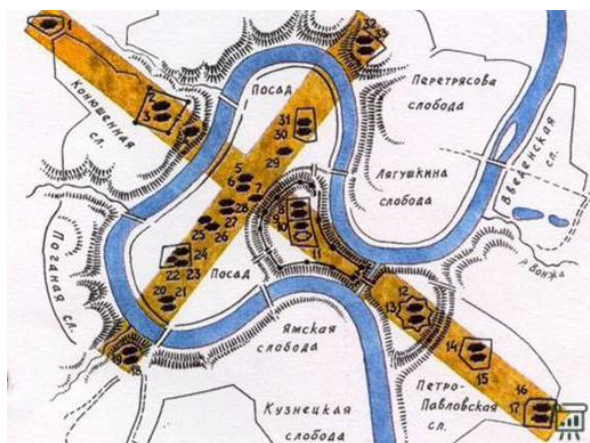

Рис. 1. Схема исторического планировочного решения города Кашина

Город построен по очень редкой (крестово-круговой) системе, являющейся вариантом радиально-лучевой планировочной схемы, характерной для многих старорусских городов (в том числе для Москвы). Сегодня ключевые признаки старого планировочного решения Кашина в основном утрачены. В ходе формирования ортогональной улично-дорожной сети исчез и виртуальный крест, обуславливавший привязку культовых сооружений. Однако перспектива ряда улиц по-прежнему «упирается» в храмы и возвышения окружающего ландшафта.

В период расцвета Тверского княжества Кашин был главным городом северо-восточных земель. Его неприступность являлась следствием особого положения крепости: река огибала ее с трех сторон и крепость стояла как бы на полуострове (см. рис. 1).

Наличие градообразующих объектов

В городе отсутствуют крупные градообразующие предприятия. Местные источники лечебной и столовой минеральной воды широко используются с конца XIX в. В 1898 г. возвели железную дорогу.

Уровень комфортности и безопасности городской среды

Относительно ухожена центральная часть города. Вопросы благоустройства территории поселения всегда стояли очень остро. Вполне удовлетворительно решена проблема доступности внешнего транспорта.

Для измерения эмоционально нагруженного семантического кода предикторов развития использовался личностный семантический дифференциал с принудительным выбором (без промежуточных градаций) статуса (ранга) оцениваемого параметра. Описаны и оценены свойства малых исторических поселений. Основной акцент сделан на изучении восприятия параметров малого города, обуславливающий исключительно внутренний потенциал его развития.

Проведено социально-психологическое исследование, состоящее из анкетного опроса, который предполагал субъективную оценку пяти выделенных групп прогностических факторов развития малого поселения при средне-взвешенной оценке 1,00 (рис. 2).

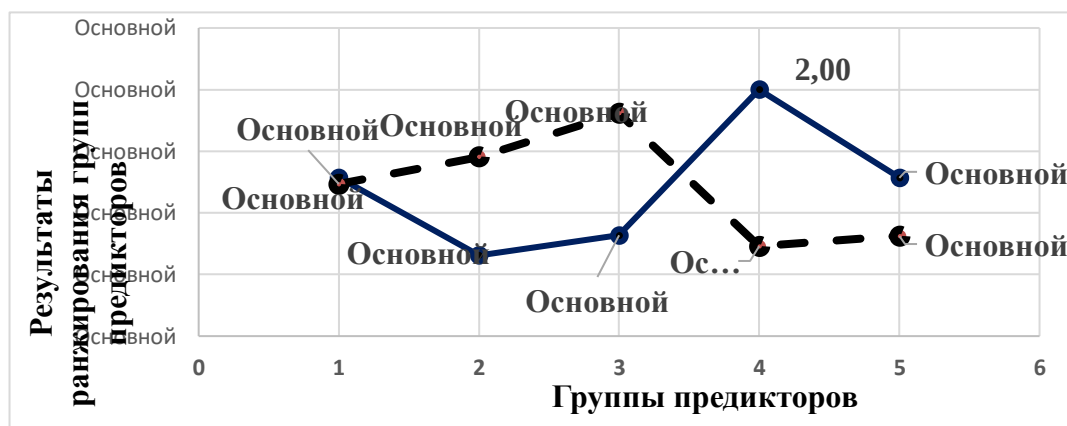

Рис. 2. Результаты субъективно-семантического ранжирования пяти групп прогностических факторов развития поселения: сплошная линия – молодыми специалистами (т. е. студентами, завершающими процесс обучения в вузе); штриховая линия – туристами-пенсионерами

В итоге были выявлены закономерности и особенности восприятия прогностических факторов развития малого города перспективной группой молодых людей (44 человека в возрасте 19–20 лет), являющихся студентами выпускного курса архитектурно-строительного профиля ТвГТУ. Вторая группа состояла из туристов, посещающих г. Кашин (35 человек различного возраста).

Выводы

1. Природа феномена «малый исторический город» получает расширенную трактовку в процессе интерпретации различных оттенков его семантической ауры. Культурологическое описание предельно широкого диапазона свойств поселения (от планировочных решений до образа поселения в массовом сознании) может быть сведено к измерению эмоционально нагруженного семантического кода предикторов развития, обогащенного смыслами достоверности, историчности, причинности.

2. Рассматриваемый субъективно-семантический взгляд на феномен малого города означает расширение точки зрения до поля зрения, а именно: сведение десятков показателей к операциональной группе прогностических факторов (семантических компонентов); контаминацию этих факторов с особенностями восприятия, понимания и присвоения значений субъектом восприятия.

3. Эмпирические результаты субъективно-семантического прочтения городской среды ожидаемо отличаются по некоторым группам предикторов. Так, молодежь и представители старшей возрастной группы сходным образом (результаты – 1,234 и 1,284, т. е. чуть выше среднего показателя) оценивают только природно-климатические факторы (см. рис. 2). При этом молодым людям важна потенциальная возможность найти работу на одном из градообразующих предприятий (2,00). Пожилые люди обращают больше внимания на характер социокультурной среды (историю, архитектуру, музеи и пр.), оценивая этот аспект примерно в два раза выше, чем молодежь при вхождении в профессиональную жизнь.

Таким образом, практические формы не только выявления, но и реализации структурно-преобразовательного потенциала малого поселения должны основываться на прогностических показателях, включающих опосредованную оценку эстетики, поэтики и когнитивных данных самого широкого круга (архитектурно-градостроительных, климатических, топографических, культурологических и пр.).

Библиографический список

1. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология: учебное пособие для вузов. М.: Стройиздат, 1993. 295 с.
2. Вырва А.Ю. Восприятие архитектурных объектов городскими жителями: субъективно-семантический анализ: дис. ... к. психол. наук: 19.00.01. М., 2017. 287 с.
3. Зеленов Л.А. Социология города: учебное пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
4. Федоров В.В. Архитектурный текст: очерки по восприятию и пониманию городской среды. М.: Ленанд, 2016. 160 с.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

6. Некрасов А.И. Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994. 480 с.
7. Гропиус В. Круг тотальной архитектуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 208 с.
8. Федоров В.В. Планировка и застройка населенных мест. М.: ИНФРА-М, 2010. 133 с.
9. The man and the city: Spaces, Forms, Meanings. Ekaterinburg: Architecton, 1998. 332 p.

SEMANTIC AURA OF PREDICTORS OF SMALL-TOWN DEVELOPMENT

V.V. Fedorov, M.V. Fedorov

Tver State Technical University, Tver

Small historical cities are considered as a structural element of the semantic field of national culture, a way of embodying human life in specific spatial and temporal conditions. The semantic aura (expression event) of a settlement is evaluated by a set of groups of predictive factors (predictors) its development. Integral assessments of the current urban environment are based on the analysis of emotionally charged images of the natural, architectural environment, as well as ergonomic, environmental and life situations. It is shown that the empirical results of the subjective-semantic reading of the urban environment by different subjects of perception are expected to differ (according to some groups of predictors). It is stated that it is necessary to identify and implement the structural and transformative potential of a small settlement, taking into account predictors that include an indirect assessment of aesthetics, poetics and cognitive data of a wide range (architectural and urban planning, climatic, topographic, cultural, etc.).

Keywords: architecture, settlement system, small historical city, predictors of development.

Об авторах:

Федоров Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор кафедры конструкций и сооружений ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 5210-4647; e-mail: vvf322@yandex.ru

Федоров Михаил Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 9100-9707; e-mail: vvf322@yandex.ru

Authors information:

Fedorov Viktor Vladimirovich – PhD (Cultural Studies), Professor of the Department of Structures of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 5210-4647; e-mail: vvf322@yandex.ru

Fedorov Mikhail Viktorovich – PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor of the Department of Management of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 9100-9707; e-mail: vvf322@yandex.ru

УДК 321.01:342.2(091)

«ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КАРЛА ШМИТТА

О.И. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Туманова О.И., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-17-21

В статье рассмотрены основные представления о «законодательном государстве», изложенные в работах немецкого политического теоретика Карла Шмитта. Анализ «законодательного государства» производится через категории закона, законодателя и легальности. Описывая конструкцию «законодательного государства», базирующуюся на применении установленной нормы, автор определяет основные требования к нормам, а также специфику их формирования и реализации.

Ключевые слова: Карл Шмитт, «законодательное государство», государство, закон, норма, легальность, законодатель.

Актуальность обращения в текущей политической повестке дня к вопросам главенства закона в государственной системе очевидна. В общественном дискурсе все чаще поднимается проблема повышения роли закона в развитии институтов современного государства. В российском обществе сформировался устойчивый запрос на обновление государственной системы, в которой закон представляет собой наивысшую и неоспоримую ценность, а его исполнение носит обязательный характер. Целью статьи является рассмотрение идеи «законодательного государства» в представлениях немецкого политического теоретика, философа, юриста Карла Шмитта (1888–1985). В своих работах автор рассматривает достаточно широкий спектр вопросов политической теории, среди прочего анализируя такие категории, как легальность, суверенитет, государственную систему, конституцию. Рассуждения К. Шмитта, по мнению исследователей, продвигаются «от права к политике» [1, с. 7], что позволяет обеспечить правовую обоснованность рассматриваемых политических вопросов.

В работах К. Шмитта категория «государство» неоднократно становится объектом исследования, выступает, по его мнению, в качестве господствующей парадигмы (Ordnungsbegriff) политического единства [2, с. 205]. В работе «Легальность и легитимность» (1932) анализ конструкции «законодательного государства» проводится через категории закона, легальности и законодателя.

Рассматривая понятие «законодательное государство», К. Шмитт выделяет также «государство правосудия» и «государство правительства» (или «государство управления»). Анализ особенностей различных видов государственных систем проводится на основе выделения различных форм и процедур, в которых проявляется определяющая политическая воля. В «государстве правосудия» это «последнее слово, принадлежащее не устанавливающему норму законодателю, а судье, разрешающему правовой

спор»; в «государстве правительства», или «государстве управления», форма будет проявляться «в зависимости от специфического вида конкретного проявления окончательного решения и последней инстанции» [3, с. 225]. Как правило, в «государстве правосудия» воля выражается в виде решения в конкретном деле, в то время как в «государстве правительства» речь идет о суверенной личной воле и авторитарном приказе правящего главы государства [3, с. 225]. «Законодательное государство» принципиально отличается тем, что в нем политическую волю обуславливают принятые нормы. Здесь следует уточнить, что норма, по мнению К. Шмитта, универсальна, установлена на длительное время и с измеримым и определенным содержанием [3, с. 225].

Государственная жизнь в целом (а также обстоятельства любого дела) в «законодательном государстве» представляют собой результат применения нормы. Важным уточнением является то, что законы действуют лишь в качестве норм, при этом ни господство, ни власть не существуют, поскольку кто «осуществляет власть и господство, тот осуществляет свои полномочия “на основании закона” или “от имени закона”» [3, с. 224]. Деятельность государственной системы, таким образом, трактуется исключительно как реализация «действующей нормы в действие в рамках своей компетенции» [3, с. 224]. Использование подобного подхода при осуществлении властных полномочий в современных политических реалиях могло бы оказаться весьма полезным для снижения остроты конфликтов в борьбе за власть.

Следует уточнить: несмотря на то, что норма рассматривается как основа «законодательного государства», она вместе с тем, по мнению К. Шмитта, носит обобщенный характер, «никогда не может в полной мере уловить абсолютное исключение» [4, с. 15]. При этом «каждая всеобщая норма требует придать нормальный вид условиям жизни, к фактическому составу которых она должна применяться и которые она подчиняет своей нормативной регламентации» [4, с. 26]. Это подчеркивает универсальный и отчасти абстрактный характер нормы.

Роль законодательной инстанции в оценке К. Шмитта – исключительно в создании законов и установлении действующих норм. При этом она не только не господствует, но даже не приводит в действие свои законы и не применяет их. Таким образом, можно отметить четкое выделение законодательной ветви власти, ее отделение и обособление в системе государственного управления. В этом проявляется не только базовый принцип «законодательного государства», но и обоснованная мера «против человеческой жажды власти» [3, с. 224], естественная с точки зрения психологии. Исполнение этого принципа, по мнению К. Шмитта, позволяет не допустить господства людей, отдельных личностей или начальства. Легальность «законодательного государства» позволяет «отвергнуть и легитимность (монарха и плебисцитарной народной воли), и любой высший авторитет и начальство, основанные на самом себе» [3, с. 229]. Данное положение представляется весьма важным для формирования устойчивой и эффективной системы государственного устройства. Правоприменяющие учреждения, подчиняющиеся исключительно законодательству, наделяются в конструкции «законодательного государства» правом осуществления государственной власти. Исполнительная власть при полном подчинении закону в целом является самостоятельной и также отделена от остальных ветвей власти.

В итоге К. Шмитт формулирует базовый «принцип законосообразности» всей государственной жизни, который, как он считает, заключается в том, что в конечном счете «уже вообще никто не господствует и не приказывает, поскольку в действие приводятся лишь безлично действующие нормы» [3, с. 224]. При этом определенная абстрактность нормативизма, господствующего в «законодательном государстве», по мнению К. Шмитта, для общества предпочтительнее «голой власти» и «аморальности» «государства правительства» и бездуховной диктатуры, лишенной норм «государства управления» [3, с. 231].

Легальность государственной власти в «законодательном государстве» позволяет обосновать любые решения, в том числе требования повиновения, а также оправдывает ликвидацию всякого права на сопротивление [3, с. 224]. Таким образом, легальность, согласно К. Шмитту, становится специфическим обоснованием принуждения со стороны государства [3, с. 224]. Однако главенство закона в общественном сознании, беспристрастность при его реализации позволяют утверждать, что требование подчинения закону становится неотъемлемым и неоспоримым.

Можно согласиться с аргументом, что конструкция «законодательного государства» лучше всего дает возможность «легально приспособляться к изменяющимся отношениям и сочетать прогресс со стабильностью права» [3, с. 228], что делает ее особенно эффективной в периоды изменений, происходящих в государстве. Главенство системы закона (вне зависимости от происходящих в общественно-политическом пространстве событий) способствует сохранению стабильности, необходимой для эффективного осуществления государственной власти.

Образцами «законодательного государства», по мнению К. Шмитта, являлись страны Европейского континента с XIX в., ранее определявшиеся в политической теории как правовые государства. В данных государствах нормы в качестве инструмента законодательного органа власти устанавливались парламентом, поэтому более точно автор характеризует их как «парламентские законодательные государства». Подобное уточнение позволяет сделать вывод о том, что в государстве, придерживающемся главенства установленной нормы, на парламент возлагается большая ответственность из-за права единоличного формирования законодательной базы – основы государственной системы. Кроме того, для эффективного функционирования «законодательного государства» требуется выделение особой группы профессиональных чиновников, обеспеченных правовым положением, – бюрократии.

Рассуждая о роли закона и законодателя, К. Шмитт приводит признаки «законодательного государства», сформулированные немецким юристом О. Майером. Создающая объективное право сила закона, приоритет закона и оговорка его исключительности [3, с. 236–237] отличают государство, в котором «высший вид государственной воли – тот, что высказывается от имени закона» [3, с. 236], от иных форм государственной системы.

В модели «законодательного государства» практически исключены злоупотребления властью и законодательным процессом, поскольку уважение к закону, «преустановленная и предполагаемая конгруэнтность и гармония права и закона» [3, с. 237], является наивысшей ценностью. Однако опасность для

государственного устройства могут представлять конкуренция законодателей, а также наличие различных трактовок закона. По мнению К. Шмитта, появление подобных внутренних противоречий способно нарушить легальность государства. Поэтому законодатель «должен сохранять в своих руках “монополию” на легальность» [3, с. 237].

Полное доверие к законодателю, его разумность и справедливость в «законодательном государстве» являются базовыми ценностями. Без доверия, по мнению К. Шмитта, «законодательное государство превращается в несколько усложненный абсолютизм, требование полного повиновения – открытым насилием, а благородный отказ от права на сопротивление – безответственной глупостью» [3, с. 238]. Именно доверие представляет собой защиту от злоупотреблений, а также составляет основу для правовых гарантий собственности и прав граждан. Важную роль в деятельности «законодательного государства» играет конституция, которая, как считает К. Шмитт, должна «ограничиваться организационным и процессуально-правовым регулированием» [3, с. 243] и не подменяет при этом фигуру законодателя. Подобный подход позволяет сделать правовую систему «законодательного государства», с точки зрения К. Шмитта, «равнодушной» и «доступной» для любого содержания, при том, что закон должен иметь определенный набор качеств (установление универсальных норм, содержательная определенность, длительность) [3, с. 244].

Рассуждая о процессе достижения власти, К. Шмитт делает акцент на том, что в нем «все привязано к принципу равных шансов достижения власти внутриполитическим путем» [3, с. 250]. При наличии «серьезных сомнений в полной лояльности всех участников» [3, с. 250] применение данного принципа становится невозможным, а его нарушение влечет за собой не только утрату справедливости и легальности, но и упраздняет само «законодательное государство». По сравнению с демократией, где закон представляет собой волю «народного большинства», в «законодательном государстве» закон представляет собой решение «соответствующего парламентского большинства» [3, с. 254].

В своих размышлениях К. Шмитт затрагивает и вопрос, касающийся конституции, которая «не только меняет принцип воли соответствующего большинства и основанный на нем принцип легальности» [3, с. 268], но и принципиально изменяет организационную структуру государственного сообщества. Закон, по его мнению, в нормальном случае «должен быть простым законом и усредненно-нормальным процессом государственной жизни» [3, с. 268]. Принятие конституции в качестве высшего вида закона рассматривается как чрезвычайный процесс и способно вызвать организационные последствия в силу появления различий между высшим и простым законом. «Законодательное государство» не предполагает иерархию норм, но лишь иерархию конкретных людей и инстанций [3, с. 268].

Анализируя систему легальности государственного сообщества с господством норм, К. Шмитт приходит к выводу, что для сохранения ее устойчивости необходимо «придерживаться определенных качеств своего понятия закона, но это не должны быть материально-правовые содержания» [3, с. 269]. Разделение системы на высший и низший род легальности за счет внесения качественных отличий в понятие нормы подрывает основы

«законодательного государства». Можно прийти к выводу о том, что именно единство закона позволяет сохранить «законодательное государство», несмотря на наличие в политической практике различных способов его разделения.

В заключение следует отметить, что представления о «законодательном государстве», сформулированные К. Шмиттом в 1932 г., не утратили своей актуальности и для современного политического дискурса. Высшая ценность закона, сформированная на его основе легальность, а также авторитет законодателя востребованы в любом обществе в любой исторический период. Обращение к анализу «законодательного государства», предложенное К. Шмиттом, возможно в процессе реформирования государственной системы.

Библиографический список

1. Кильдюшов О.В. Между правом и политикой // Государство: право и политика / пер. О.В. Кильдюшов; сост.: В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 7–27.
2. Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 205–215.
3. Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост.: В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.
4. Шмитт К. Политическая теология: сборник / закл. статья и сост. А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.

«LEGISLATIVE STATE» IN THE REPRESENTATION OF CARL SCHMITT

O.I. Tumanova

Tver State Technical University, Tver

The article examines the basic ideas about the «legislative state», considered in the works of the German political theorist Karl Schmitt. The analysis of the «legislative state» is carried out through the categories of law, legislator and legality. Considering the structure of the legislative state, based on the application of the established norm, the author defines the basic requirements for the norms, and also determines the specifics of their formation and implementation.

Keywords: Karl Schmitt, «legislative state», state, law, norm, legality, legislator.

Об авторе:

Туманова Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3225-2480; e-mail: maks69@bk.ru

Author information:

Tumanova Olga Igorevna – PhD (Social Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3225-2480; e-mail: maks69@bk.ru

УДК 316.012

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

О.Н. Торгованова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Торгованова О.Н., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-22-27

Концепт «социальный капитал» крайне популярен в сфере исследований в области социальных наук. Однако отсутствует четкое определение и в связи с этим теоретическая база для этого термина. В статье делается попытка поставить концепцию социального капитала на теоретически обоснованный и эмпирически плодотворный фундамент. Дается обзор концептуальных оснований концепта «социальный капитал», находящихся в обращении.

Ключевые слова: социальный капитал, принадлежность к группе, социальные отношения, типы капитала, микроуровень, макроуровень, Бурдье, Коулман.

Пьер Бурдье широко известен как первый социолог, который исследовал концепцию социального капитала в контексте социологической теории [1]. Он рассматривает социальный капитал прежде всего с точки зрения отдельных субъектов, которые имеют доступ к некой группе через соответствующие социальные отношения и стремятся благодаря этому получить выгодные ресурсы. Хорошо известно определение П. Бурдье: «Социальный капитал – это совокупность текущих и потенциальных ресурсов, связанных с наличием постоянной сети более или менее институционализированных отношений взаимного знания или признания; или, другими словами, это ресурсы, основанные на принадлежности к группе» [1, с. 190]. Основой для формирования и воспроизводства социальных отношений и групп являются социальные обмены. При вкладывании средств в «постоянную работу по институционализации» [1, с. 193] возникают постоянные обязательства для партнеров по обмену, которые могут быть выполнены в соответствующих ситуациях.

Материальная и нематериальная прибыль может быть получена путем выполнения соответствующих обязательств, т. е. привлечения ресурсов. В этом отношении П. Бурдье также говорит о преобразовании типов капитала. Например, карьерный рост, достигнутый через отношения, может окупиться наличными. На первый взгляд это кажется очевидным, однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что общая концепция довольно расплывчата.

Сначала кажется проблематичным сосредоточиться на текущих и потенциальных ресурсах. Во-первых, не ясно, почему доступ к потенциальным ресурсам сам по себе принимает форму капитала, если бы не было активации этих ресурсов, т. е. с ними связана мобилизация контактов, с помощью которых можно предоставить соответствующие ресурсы. Одного доступа к ресурсам недостаточно, если соответствующее лицо не предоставляет их. Во-вторых, прямо не указано, что эти ресурсы должны быть теми, которые еще больше помогают человеку в достижении его индивидуальных целей. В противном случае говорить о капитале не следовало бы.

Еще одна трудность, заложенная в определении П. Бурдьё, заключается в использовании принадлежности к группе. Очевидно, что речь идет не о социальных отношениях в более узком смысле, а о символических. Такая поляризованная концепция социального капитала затем сливается с концепцией П. Бурдьё (символического капитала). Например, если кто-то получает определенную работу из-за своего дворянского титула, означает ли это, что он принадлежит к группе дворян или соотнесение происходит из-за символической силы, связанной с указанным капиталом?

Наконец, связь между типами капитала, задуманного П. Бурдьё, представляется трудно прослеживаемой. В конечном счете его тезис о конвертируемости капитала основан на предположении о совокупной связи: те, кто владеет большим социальным капиталом, могут производить больше материального и символического капитала, что, в свою очередь, способствует увеличению социального капитала и т. д. Поскольку капитал также должен постоянно инвестироваться, возникает вопрос о том, все ли инвестируют в равной степени в различные формы капитала или существуют процессы замещения, например субъект инвестирует больше средств в один тип капитала, а не в другой, так как это может быть более полезным для достижения его целей. Что также неясно в этом вопросе, так это отсутствие объяснения целей действий. П. Бурдьё в конечном счете предполагает (в антропологическом смысле) универсальную цель действий, которая лежит в основе всей социальной практики, – конкурентное стремление к социальной власти [2]. Такая стратифицированная парадигма социальной борьбы в итоге формирует основу для совокупного предположения о взаимосвязи между типами капитала. На фоне эмпирического исследования взаимодействия типов капитала основа, с одной стороны, представляется слишком общей, поскольку постулируемые таким образом антропологические константы часто не имеют статуса проверяемых гипотез. С другой стороны, такой концептуальный подход в то же время является особенным, потому что другие типы целей упускаются из виду. Следствием концепции П. Бурдьё является то, что более точные механизмы взаимосвязи между социальным капиталом и социальным неравенством не проблематизируются на социальном микроуровне, а затем не объясняются и не проверяются эмпирически.

Концепция социального капитала, сформулированная в свете методологического индивидуализма, была предложена Джеймсом Коулманом в конце 1980-х гг. [5; 6]. Ее главное преимущество (по сравнению с концептуализацией П. Бурдьё) заключается в том, что концепция социального капитала теперь структурирована гораздо четче. Кроме того, используется теория действия («целенаправленного действия»), которая не привязана к антропологическим предпосылкам. Здесь следует указать на проблему смешения микро- и макроуровней в рамках коулмановского подхода, что в итоге приводит к тому, что Дж. Коулман также не может четко определить концепцию социального капитала.

Собственное требование Дж. Коулмана к концепции социального капитала состоит в выявлении связи между социальными микро- и макроуровнями: «Значение понятия “социальный капитал” заключается, прежде всего, в том, что оно характеризует определенные аспекты социальной

структуры по их функциям» [5]. Функция, обозначенная понятием «социальный капитал», представляет собой ценность аспектов социальной структуры для субъектов как ресурсов, которые они могут использовать для достижения своих целей. В свете этой функции концепция социального капитала представляет собой инструмент для учета различных результатов на уровне отдельных субъектов, а также помощь в переходе от микро- к макроуровню [5, р. 101].

Следствие рассмотренного почти диалектического подхода и связанное с ним отсутствие экспликации индивидуального и коллективного социального капитала означает, что связь между микро- и макроуровнями можно понимать только билинейно. Другими словами, считается, что индивидуальный и коллективный социальный капитал положительно коррелируют друг с другом: коллективный социальный капитал способствует индивидуальному и наоборот. Такой подход представляется спорным по нескольким причинам. Во-первых, нет никаких эмпирических или теоретических разъяснений относительно того, лежит ли одна форма в основе другой, т. е. предшествует ли она в смысле причинно-следственных связей, или же есть причины индивидуального распределения доступных социальных ресурсов и их социальной организации, помимо явлений, обобщенных термином «социальный капитал». Существует также опасность того, что если не будет разделения между индивидуальным и коллективным капиталом, концепция социального капитала станет еще более расплывчатой, чем она есть. Как выразился А. Портес: «... переход концепции от отдельного актива к общественному или национальному ресурсу никогда не был явно теоретизирован, что приводило к нынешней путанице в отношении значения этого термина. В одном предложении социальный капитал – это наличие детей в целых семьях; в следующем это атрибут сетей трейдеров; и далее это становится объяснением того, почему целые города хорошо управляются и процветают экономически, а другие нет. Эвристическая ценность концепции соответственно страдает, так как она рискует стать синонимом всего, что является позитивным в социальной жизни» [8, с. 3].

Во-вторых, не очевидно, почему социальная организация в смысле закрытых сетей определенно должна быть выгодна для вовлеченных людей. С одной стороны, исследования, проведенные после тезиса М. Грановеттера о слабых связях, показали, что могут возникать негативные последствия, например для социальной мобильности [3]. С другой – закрытые социальные группы, обладающие социальным капиталом в смысле единых норм, эффективного санкционного потенциала и высокой степени доверия с социальной точки зрения, могут порождать негативные последствия.

В-третьих, негативные последствия в отношении социального неравенства, с точки зрения Дж. Коулмана, игнорируются. Это влияет на макроуровень (общество) в результате процессов социального закрытия, а также на микроуровень (индивидов), которые не все должны одинаково извлекать выгоду из коллективного социального капитала и имеют различный доступ к социальному капиталу из-за индивидуальных отличий в ресурсах.

По результатам сделанных выше наблюдений (особенно вследствие вывода о теоретической и эмпирической размытости концепции социального капитала) тезис нашей статьи можем сформулировать так: социальный капитал на индивидуальном уровне и социальный капитал на коллективном уровне представляют

собой две отдельные области явлений, каждая из которых требует собственной теоретизации. Настоящая работа направлена прямо на объяснение концепции социального капитала на индивидуальном уровне, т. е. на уровне людей.

Решающей, отправной точкой является подход к социальному капиталу Нана Линя и Хенка Флапа [4; 9; 10]. Этот подход представляет собой существенное расширение теории социального капитала за счет его четкого разделения по двум уровням – индивидуальном и коллективном; оба автора выходят за рамки простого метафорического использования концепции капитала, так как понимают социальные отношения как ресурсы, в которые инвестируются выгоды; социальные ресурсы считаются совместными с другими видами ресурсов (такими как материальные и символические). Расширение также происходит благодаря использованию теории действий, которая связывает индивидуальные цели с индивидуальным применением ресурсов. Индивидуальные цели действия задуманы как гибкие, но в то же время сформулированы в необходимой абстрактности и не ограничены конкретными целями, связанными с содержанием, как это было в случае с П. Бурдьё. В частности, Х. Флап делает плодотворное предложение прояснить индивидуальные цели действий, основанные на теории функций общественного производства. Это предложение имеет важное преимущество, заключающееся в том, что человеческая деятельность может быть воспринята как инвестиционное решение, точкой схождения которого является индивидуальная максимизация собственных условий жизни.

Х. Флап пишет: «Социальный капитал – это субъект, состоящий из всех ожидаемых будущих выгод, полученных не от собственного труда, а от связей с другими лицами. Чувствительно рассматривать все действия мужчин в этом свете, то есть каждое человеческое действие – это в равной степени инвестиционное решение, в котором субъекты, кем бы они ни были, смотрят в будущее, чтобы оправдать текущие действия. При этом они пытаются объединить свои инвестиции таким образом, чтобы полученные прибыли максимально улучшили условия жизни» [9, с. 37].

Концепция социального капитала Х. Флапа в настоящее время позволяет относительно четко определить, что понимается под социальным капиталом. Таким образом, указанный капитал возникает (и поддерживается) благодаря инвестициям в социальные отношения, которые способствуют улучшению условий жизни. Тем не менее подход расширен в следующих двух важных аспектах: 1) понятие социального капитала связано с теорией функций общественного производства, использование этой теории остается туманным в работе Х. Флапа; 2) предпринята попытка восстановить концепцию доверия в ресурсно-ориентированной теории социального капитала, которая недостаточно рассмотрена в работах Н. Линя и Х. Флапа. Центральный тезис будет состоять в том, что доверие является важной основой для инвестиционных решений и, следовательно, предпосылкой социального капитала.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Формы капитала [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital/> (дата обращения: 11.04.2020).

2. Bourdieu P. Sozialer Sinn – Kritik der theoretischen Vernunft. Frankfurt: Suhrkamp, 1993.
3. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. 78. P. 1360–1380 [Electronic resource]. URL: <https://scholar.google.ru/citations?user=OlKVqZ8AAAAJ/> (date of access: 11.04.2020).
4. Lin N. Social Capital. A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. P. 95–121 [Electronic resource]. URL: http://onemvweb.com/sources/sources/social_capital.pdf/ (date of access: 11.04.2020).
6. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1990.
7. Portes A. Social Capital – Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 24. P. 1–24.
8. Portes A. The two meanings of social capital // Sociological Forum. 2000. № 15 (1). P. 1–12.
9. Flap H. No man is an island: The research programme of a social capital theory // O. Favereau & E. Lazega (Eds.). Conventions and structures in economic organization: markets, networks, and hierarchies. Northampton, MA: Edward Elgar, 2002.
10. Flap H. Creation and returns of social capital: A new research program // H. Flap & B. Völker (Eds.). Creation and returns of social capital: A new research program. New York: Routledge, 2004.

THEORIES OF SOCIAL CAPITAL

O.N. Torgovanova

Tver State Technical University, Tver

The concept of social capital is growing in popularity in social science research. However, there is no clear definition and, therefore, a theoretical basis for this term. This article attempts to put the concept of social capital on a theoretically sound and empirically fruitful basis. To develop these foundations of the concept of social capital, an overview of the conceptual entities in circulation is given.

Keywords: social capital, belonging to a group, social relations, types of capital, micro level, macro level, Bourdieu, Coleman.

Об авторе:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 6784-2308; e-mail: maerz25@mail.ru

Author information:

Torgovanova Olga Nikolaevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 6784-2308; e-mail: maerz25@mail.ru

УДК 101.3

ЭКЗАМЕН ПО ФИЛОСОФИИ: СТАРЫЕ ЦЕННОСТИ В НОВОМ ФОРМАТЕ

В.Ф. Мартюшов, Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-27-32

Поднимаются вопросы повышения качества обучения, связанные с контролем знаний студентов высших учебных заведений. Обсуждаются три уровня контроля знаний: текущая проверка в ходе практических занятий; экзамен по результатам изучения дисциплины; тестирование остаточных знаний студентов. Выделяются специфические особенности проведения контроля знаний различных форм обучения: дневной и заочной; аудиторной и дистанционной. Авторы приходят к выводу о том, что контроль знаний не должен быть только испытанием для студента, нередко сопровождающимся стрессовым состоянием. Проверка знаний студента должна носить обучающий и воспитательный характер, стимулировать желание молодого человека развивать критическое мышление.

Ключевые слова: *ценность обучения, качество обучения, контроль, философия, экзамен, тестирование, преподаватель, студент.*

Методы и подходы повышения качества обучения зависят от множества факторов. Одним из условий, влияющих на сформированность качества образования, выступает релевантный выбор будущей профессиональной деятельности [6]. Другим не менее важным фактором выступает мотивация будущего специалиста в получении системного знания и его практического применения в смычке «знание – компетенция» [5], а также понимание обучения как механизма освоения социального знания [4]. Следует также согласиться с мнением исследователей о том, что инструментом оценки различных аспектов качества образовательной деятельности может выступать экзамен как контроль знаний студентов по освоению содержания учебной дисциплины [2; 3].

Современную философию как проблемное знание довольно трудно уложить в рамки указанной дисциплины, изучение которой в настоящее время рассчитано всего лишь на один семестр. В отношении философии замысел разработчиков основных образовательных программ высшего образования, сориентированных на стандарты третьего поколения (2009 и 2014 гг.), видимо, был таков: распределить освоение философского знания на весь период обучения в университете. Предполагалось, что на втором курсе за один семестр «Философия» как обязательная для всех специальностей дисциплина поможет студенту составить панорамный взгляд на жизненные проблемы. В дальнейшем освоение философского знания дробилось на несколько курсов, каждый из которых предполагал свою функциональную нагрузку. Например, «Методология научного познания» нацелена на углубленное изучение гносеологической и методологической проблематики, «Этика» – нравственно-прикладной,

«Философия науки и техники» – компетентностной, «Критическое мышление и академическая культура» – когнитивной сферы и т. д. Такое рассеянное по времени освоение философского знания видится далеко не бесспорным. За один семестр (а это в реальности только 7–8 лекций!) трудно охватить в теоретическом формате весь объем философии. Даже в современном учебнике, который рассчитан на тональность не фундаментального издания, а лишь введения в философию, предусмотрено 12 тем – «История философии: от античности до XX века»; «Главные направления философии XX века»; «Философия как теоретическая форма мировоззрения»; «Предмет, метод и структура философской теории»; «Проблема бытия в философии»; «Научная картина мира»; «Сознание и его природа»; «Научное познание и его особенности»; «Социальное: его структура и генезис»; «Социальная теория: гуманитарная парадигма»; «Человек: его природа и сущность»; «Духовность человека» [1]. Получается, что в реальной практике за бортом оказываются пять или шесть важных тем философии. Из сказанного очевидно, что для адекватного освоения философского знания курс «Философия» должен быть рассчитан не на один семестр, а на весь учебный год, как это было до 2014 г.

Корректирование содержательно-временного формата программ по философии влечет за собой и адекватность контроля знаний студентов. Здесь под словом «адекватный» предлагаем понимать ситуацию «какие знания дали, такие и будем проверять». Пока получается наоборот: успели дать одни знания, а проверяем другие (в более широком диапазоне).

В названии статьи неспроста выведены словосочетания «старые ценности» и «новый формат». Под старыми ценностями по-прежнему понимаются такие цели философии, как мировоззренческая – способствовать созданию целостного системного представления о мире и месте человека в нем; методологическая – познакомить студентов с методами научного познания и их классификацией; теоретическая – формировать базовые философские понятия об общих закономерностях бытия для объяснения сущности человека; практическая – развивать умение логично излагать мысли, аргументированно отстаивать собственное мнение, соблюдать критическую дистанцию в оценках и суждениях. Вызов современного информационно-сетевого общества требует: старые, но по-прежнему актуальные ценности преподавания философии необходимо включать в новый формат контроля знаний студентов.

В связи с вышесказанным считаем, что методику экзаменационного опроса по философии следует скорректировать в соответствии с вызовами современности. Практика показывает, что продуктивным является не экзамен как заключительный надзорный «аккорд» во время сессии, а перманентно протекающий мониторинг знаний студентов, разворачивающийся в три уровня: текущую проверку в ходе практических занятий, итоговый экзамен по результатам изучения дисциплины и тестирование остаточных знаний студентов. Кроме того, следует выделить специфические особенности проведения контроля знаний различных форм обучения студентов, например дневной и заочной; аудиторной и дистанционной.

Текущая проверка и итоговый экзамен

Проверка знаний студентов очной формы обучения из прослушанного ими учебного материала, а также материала, который они получают для самостоятельного изучения, осуществляется обычно в виде двух форм контроля – текущего и рубежного. Текущий контроль качества знаний студентов устанавливается по их активности на практических занятиях. На этих занятиях возможен широкий спектр контроля (от опроса по дефинициям до творческих заданий). Например, значимым является опрос студентов, связанный с осознанием основных понятий философии: что такое мировоззрение, бытие, материя, сознание, время, пространство, движение, жизнь, человек, справедливость, счастье, любовь... (и этот ряд можно продолжать и продолжать). Тестирование, на наш взгляд, синтезирует в себе старые и новые подходы к контролю. Помимо традиционных, закрытых вопросов, требующих однозначного ответа, можно предлагать «открытые» задания. Примеры подобных заданий: «Античная философия возникла как преодоление...»; «Понятием “апатия” стоики обозначали...»; «Отличие натурфилософии Возрождения от античной натурфилософии состоит в том, что...»; «Суть деизма в философии Нового времени состоит в то, что...»; «Философия должествования И. Канта означает, что...»; «Отличие диалектики К. Маркса от диалектики Г. Гегеля состоит в том, что...»; «Термин “соборность” в философии славянофилов обозначает...»; «Под “культурным творчеством” Н.А. Бердяев понимает...»; «Ноосфера, по В.И. Вернадскому, – это...» и т. д. Ответы, разумеется, ожидаются в русле учебного материала, однако при этом у студента есть возможность проявить индивидуальность, обозначить ярко свою позицию и гибкость рассуждений.

Организация учебного процесса предполагает обратную связь с обучающимся: от преподавателя к студенту, вновь к преподавателю и т. д. Такое информационное продвижение (вплоть до достижения учебного результата) можно сравнить с герменевтическим кругом. Освоение нового материала идет не линейно, а с обратной связью: от наставника к обучающемуся и вновь к наставнику. Таких «кругов» может быть несколько, поскольку все зависит от сложности материала, компетентности преподавателя, подготовленности обучающихся и интереса самих участников группы. Текущий контроль важен в момент перехода от одной ступени понимания к другой. И этот контроль может иметь не только фиксирующую форму, но и игровую. В этот момент у преподавателя появляется хорошая возможность усилить учебную мотивацию, проверить знания студента таким образом, чтобы уточнить информацию максимально интересно, взбудоражить «спящее» сознание обучающегося, активировать его мыслительную деятельность. Практика показывает, каким высоким может быть социальный и личностный эффект от контроля в группах, реализуемого в жанре дискуссии или игры.

У каждого преподавателя обычно имеется своя шкала оценивания. Например, такая: общее участие студентов в работе в течение семестра оценивается в баллах. На практическом занятии подводятся итоги работы студентов по трем критериям: «высокая активность», «активная работа» и «невысокая активность». По завершении изучения каждого раздела дисциплины

«Философия» (история философии и теоретические проблемы) подводятся итоги общего освоения учебного материала: за оценку «отлично» начисляется 25 баллов, за «хорошо» – 20, за «удовлетворительно» – 15.

На экзамене делается общий вывод о работе студента в течение всего семестра, подсчитываются его баллы. Определяется, в зависимости от количества набранных баллов, может ли студент претендовать на экзаменационную оценку по результатам работы в течение всего семестра или нет. Студенты, набравшие от 70 до 79 баллов, претендуют на экзаменационную оценку «удовлетворительно», от 80 до 89 – на оценку «хорошо» и от 90 до 100 – на оценку «отлично». Студенты, желающие повысить свои результаты, выполняют экзаменационное задание из 40 тестов и в итоге получают ту оценку, которую заслужили. Важно, чтобы критерии оценки экзаменационных заданий объявлялись студентам заранее.

Со студентами заочной формы обучения со второго семестра 2019/2020 учебного года и до настоящего времени по приказу ректора Тверского государственного технического университета работа ведется в онлайн-режиме. Студентам через старост учебных групп в электронном виде отправляются контрольные задания в тестовой форме; в каждом задании содержится 100 тестов по двум разделам – истории философии и основному курсу философии. Устанавливаются сроки выполнения заданий для каждой группы. Выполненные задания проверяются и, согласно критериям, которые заранее доведены до старост групп, каждому студенту выставляется соответствующая оценка. Результаты проверки с указанием допущенных ошибок доводятся до старост групп, а они в свою очередь сообщают эти результаты студентам своих групп.

К негативным факторам такого рода контроля следует отнести то, что преподаватель не может определить, насколько самостоятельно каждый выполняет свою работу. Видно, что большое число студентов выполняют контрольные задания под «копирку». Так, например, в одной группе из 19 контрольных заданий у 11 студентов одна и та же ошибка присутствовала 21 раз; у 5 студентов одинаковая ошибка повторилась 22 раза и только у 3 студентов чувствовалась какая-то самостоятельность в выполнении задания. Такая картина наблюдается по всем группам студентов-заочников. Подобное копирование выполнения контрольных заданий при работе в онлайн-режиме можно рассматривать уже как определенную тенденцию, влияние которой на качество обучения вряд ли является положительным.

Тестирование остаточных знаний

Тестирование остаточных знаний обычно проводится в рамках аккредитации университета. Это событие, на наш взгляд, носит противоречивый характер. Из положительных его аспектов можно отметить тот факт, что философские знания студентов обновляются на новом витке миропонимания, приобретают более осмысленное значение. Кроме того, сам процесс подготовки и проведения Федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования имеет социально-психологическую окраску: преподаватель и студенты в эти дни заново сплачиваются вокруг задачи, чувствуют коллективную ответственность и «плечо друга».

Отмеченные позитивные аспекты тестирования остаточных знаний студентов, к сожалению, на этом и заканчиваются. Далее возникает ряд трудностей и неясностей. Главным вопросом остается само понятие «остаточные знания». Оно должно быть четко сформулировано и донесено до преподавателя и студента. В противном случае возникает «туман» информационной неопределенности. Есть и ряд других вопросов, возникающих по результатам тестирования: «кто является автором федеральных тестов?»; «почему не работает интерактивная связь между безымянным авторским коллективом и реальными преподавателями философии?»; «кому нужны такие задания, которые не могут выполнить даже опытные преподаватели?» и т. д.

Как преподаватели философии мы надеемся, что не являемся противниками текстологов, а выполняем единую задачу, поэтому корректная форма обмена учебной информацией будет только на пользу системе высшего образования РФ. Чтобы избежать неопределенности, нарастающей вокруг самого хода и результатов тестирования, следует предварительно согласовывать критерии проверки знаний и непосредственную формулировку вопросов/заданий, а также иметь интерактивную связь в регистре «тестологи – преподаватели». Для начала хотелось бы знать адрес, куда можно отправить конструктивно-критическую оценку содержания тестовых заданий и выраженности их языковыми средствами. Кроме того, все инициаторы процесса проверки остаточных знаний должны учитывать и тот факт, что преподаватели проводят тестирование на неоплаченной основе, что лишает диаду «труд – оценка труда» ее логики.

Библиографический список

1. Бондарева Я.В., Михайлова Е.Е. Новый учебник по философии: приглашение к теоретическому разговору о проблемах современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 103–106.
2. Замалеев А.Ф., Рыбас А.Е. К методике экзаменационного опроса // Политика и образование. Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин. Серия: Методические записки. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 208–217.
3. Мануйлов Н.В., Малыгин В.Т. Подготовка к экзамену по философии: учебное пособие. Ульяновск: Зебра, 2019. 176 с.
4. Мартюшов В.Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 94–103.
5. Михайлова Е.Е. Трансформация личностных компетенций в условиях сетевого общества // Саморазвивающаяся среда технического вуза: научные исследования и экспериментальные разработки: материалы Всерос. научно-практ. конф., 15 апреля 2016 г.: в 3 ч. Тверь: ТвГТУ, 2016. С. 101–107.
6. Рубцова Н.Е. Основные направления классификаций профессиональной деятельности // Психология и психотехника. 2015. № 5 (80). С. 501–510.

PHILOSOPHY EXAM: OLD VALUES IN A NEW FORMAT

V.F. Martyushov, E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The issues of improving the quality of education are raised, related to the control of knowledge of students of higher educational institutions. Three levels of knowledge control are discussed: current testing during practical sessions; exam based on the results of studying the discipline; checking the residual knowledge of students. The features of the control of knowledge of various forms of student education are highlighted: full-time and part-time forms of education; classroom and distance learning. The authors conclude that knowledge control should not only be a knowledge monitoring for the student, often accompanied by a stressful state. Testing the student's knowledge should be educational and educational in nature, should stimulate the young person's desire to develop a level of critical thinking.

Keywords: value and quality of teaching, control, philosophy, exam, testing, teacher, student.

Об авторах:

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1684-0822; e-mail: vmartushov@mail.ru

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 9444-1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Authors information:

Martyushov Vladimir Filippovich – PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 1684-0822; e-mail: vmartushov@mail.ru

Mikhailova Elena Evgenievna – PhD (Philosophical Sciences), Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 9444-1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 39:316.728(367)

ХРИСТИАНСТВО И ТРАДИЦИЯ «УМЫКАНИЯ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-33-40

В предыдущих публикациях автором предпринята попытка реконструировать историю древнего обычая «умыкания». Развитие социального и имущественного неравенства превратило ритуал, являвшийся частью свадебного обряда, в обычай, составивший альтернативу классическому сватовству. «Умыкание» могла осуществить одна из сторон, заинтересованная в заключении брачного альянса, в случае, когда предсвадебные переговоры заходили в тупик, а желанное бракосочетание в рамках традиционных договорных взаимоотношений превращалось в недостижимую мечту. К «умыканию» нередко прибегали молодые люди, желающие вступить в брак вопреки родительской воле. В виде обычая, альтернативного сватовству, «умыкание» неизменно сопровождало развитие брачно-семейных отношений стратифицированного общества. Вполне естественно предположить, что за столетия своего существования под воздействием различных факторов данный обычай мог претерпеть значительные изменения. В представленной статье речь пойдет о влиянии, которое оказало распространение христианства среди европейских народов на трансформацию обычая «умыкания», а также о том, как отразился этот процесс на развитии указанных отношений.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

Изменения в развитии брачно-семейных отношений произошли вследствие распространения церковного бракосочетания. Впрочем, известно, что таинство венчания стало повсеместным далеко не сразу после принятия новой религии. В частности, в древнерусском обществе как в X, так и в XIII в. брак заключался двумя способами: либо это происходило во время церковного венчания, либо в результате совершения определенных языческих обрядов [13, с. 237–238]. Процесс исчезновения языческого брака на Руси и смена его христианским обычаем бракосочетания оказались длительными [23, с. 466; 27, с. 91]. В частности, правила митрополита Иоанна II, составленные в 80-х гг. XI в., свидетельствуют, что в это время церковный брак заключался только между представителями княжеских и боярских семей [17, ст. 18]. В крестьянской среде церковный брак долгое время считали «боярским обычаем» [5, с. 499]. Текст Устава князя Ярослава позволяет сделать вывод, что в ранний период русской истории священнослужители нередко вынуждены были считаться с наличием языческих браков и дело доходило вплоть до того, что в определенной мере подтверждали их законность, препятствуя разводам не только повенчанных супругов, но и тех, что вступили в брак по языческому образцу: «Аще моуж роспустится с женою по своей воли, а боудет ли венчальная, и дадят

митрополиту 12 гривен, будет ли невенчал'ная, митрополиту 6 гривен» [14, с. 87–88]. Очевидно, что православной церкви пришлось столкнуться с большим количеством трудностей, прежде чем русские люди стали заключать брак по христианскому обычаю.

Исследователи обнаружили в источниках свидетельства существования невенчаных мужей и жен на Руси в XIV–XVI вв. [2, с. 105; 5, с. 510–511; 20, с. 215, 237; 24, с. 166; 25, с. 179; 30, с. 8; 36, с. 246], а у донских казаков – и в XVII–XVIII столетиях. В некоторых регионах Российской империи (например, на европейском севере, в Псковской губернии, в Малороссии) крестьяне были готовы в случае экстренных обстоятельств признать супружеским союзом сожителство невенчанной пары даже в XIX в. К числу таких обстоятельств относились отсутствие необходимых средств для оплаты дорогостоящего церковного венчания, наличие у крестьянина брака с женщиной, которая не желала поддерживать с ним супружеские отношения. Для того чтобы признание брака было официальным, крестьянским сообществом были разработаны соответствующие публичные гражданские обряды [20, с. 215–217].

Стоит отметить, что подобная ситуация была характерна не только для нашего отечества. Вплоть до X в. в византийском обществе признавался законным брак, заключенный без обряда венчания в церкви [21, с. 155]. В западноевропейских странах только в XII–XIII вв. получает признание концепция моногамного нерасторжимого брака, каковой лишь с этого времени причисляется к основным христианским таинствам [3, с. 317]. Вплоть до XIV в. нецерковные браки не находили неприятия и осуждения большинства европейцев [4, с. 143–146, 223]. Даже в позднее Средневековье (1350–1500 гг.) сельские священники в Западной Европе постоянно жаловались, что крестьяне ограничивались троекратным оглашением своего брака в церкви накануне церемонии бракосочетания, в назначенный день произносили брачные обеты и обменивались кольцами перед церковными дверьми, а порога церкви не переступали, чтобы обойтись без венчания и тем самым сэкономить средства [6, с. 254]. Любопытно, что в некоторых частях Швейцарии этот обычай сохранялся до последнего времени: брак заключался перед церковными дверьми, а в церкви лишь получали благословение [32, с. 101]. В землях Центральной Европы (например, в Германии, Чехии) венчание было признано обязательным лишь в XVI в., причем протестанты вступали в брак без этого обряда вплоть до конца XVII–XVIII вв.

В обыденном сознании церковное таинство приобрело значимость отнюдь не сразу: даже в XIX в. в некоторых словацких областях к венчанию относились как к простой формальности: между венчанием и свадебным обрядом мог существовать разрыв во времени от нескольких дней до двух-трех недель, в течение которых молодые не жили вместе [12, с. 45–46; 33, с. 7]. Аналогичная традиция в позапрошлом столетии была распространена и среди белорусских крестьян [20, с. 193, 205]. А малороссийские крестьяне в середине XVIII в. по отправлению церковного брачного таинства порою «разлучались даже на несколько лет и жили в разных домах до совершения брачного веселия, а некоторые из них после совершения церковного таинства расставались и навсегда» [20, с. 203]. В следующем столетии временной разрыв между

венчанием и собственно свадьбой среди украинских крестьян по-прежнему встречался: достижением церкви являлось лишь сокращение его срока, который стал составлять от двух до шести недель. Известна была эта практика и русским крестьянам. Например, в Костромской губернии во второй половине XIX в. венчание могло «обогнать» свадьбу на неделю и более. В течение этого времени обвенчанные молодые люди считались женихом и невестой, каждый из них жил в своем доме [20, с. 204–205]. В Новое время подобные воззрения разделяли как карелы, так и эстонцы. Причем последние «придавали очень мало значения венчанию и могли совершить его иногда прежде, а чаще всего позже традиционной народной свадьбы» [35, с. 263–264], после которой «девушка уже считалась женой» [35, с. 263–264]. На Балканах даже на рубеже XIX и XX вв. было немало союзов, признанных родственниками и соседями, где супруги венчались одновременно с крещением их родившегося ребенка [18, с. 93–94]. Конечно, нельзя исключать того, что откладывание венчания могло быть продиктовано желанием убедиться в том, что в данном альянсе появятся дети – продолжение рода, ради которого он создавался. Однако вполне возможно, что причина крылась также в небрежении церковными обрядами, готовности при возможности сэкономить на выполнении предписанного ритуала. В Финляндии «церковное освящение брака стало обязательным... только с 1734 г.» [1, с. 80]. А бедняки Уэльса и крайнего юго-запада Корнуолла избегали дорогостоящего церковного венчания вплоть до 70-х гг. XIX в., когда была введена гражданская регистрация браков [34, с. 126] и необходимость в венчании для признания законности супружеского союза отпала сама собой.

Исследователи указывают, что среди крестьян и рядовых горожан долго господствовало представление о браке как о виде гражданской сделки, которая лишь освящается благословением церкви. Длительное время свадебный пир обеспечивал признание законности супружеского соглашения даже без венчания в церкви, в то время как церковного брака без должным образом совершенного свадебного обряда оказывалось явно недостаточно [20, с. 193, 201–203; 25, с. 181; 28, с. 71–72; 29, с. 26; 30, с. 7–8]. Г.В. Жирнова утверждает, что в России «в деревнях, в отличие от городов даже в начале XX в., по нормам обыденной жизни одного церковного венчания было недостаточно, чтобы признать брак заключенным. Здесь брак санкционировался коллективом соседей, общиной» [16, с. 47].

Со временем ситуация претерпевала изменения, вызванные явлениями, суть которых коротко, но очень удачно сформулирована в работе Н.П. Лобачевой. Автор указывает, что одновременно возникают два параллельных процесса. С одной стороны, государственная религия (а позднее само государство) стремится взять под свой контроль оформление брака. С другой – «сужается круг лиц, несущих непосредственную ответственность за брак, – от родственного коллектива к семье, затем к ее главе – отцу» [22, с. 59].

Священнослужителям пришлось немало потрудиться, прежде чем церковное бракосочетание стало в сознании населения фактором, определяющим законность супружества. Однако там, где означенный переход произошел, молодые люди получили небывалую ранее возможность самовольно начать семейную жизнь и заключить при этом законный брак: было достаточно заручиться согласием священника, готового совершить таинство в церкви.

Жениху и невесте требовались лишь считанные часы для того, чтобы на законном основании предстать перед обществом в качестве мужа и жены.

Таким образом, внедрение в жизнь церковного венчания стимулировало распространение самовольных браков молодежи. Возможно, что начальные стадии данной трансформации, осуществлявшейся в разных странах и социальных слоях в различные исторические периоды, вызвали к жизни суровые нормы, призванные стать преградой для самовольного заключения брака.

В Западной Европе в середине VI в. Синод предписывал отлучить похитителя от церкви, а несколько позднее король Хильдеберт и вовсе установил смертную казнь за похищение девушки. Не исключено, что столь жестокая мера пресечения предусматривалась с целью ликвидировать укоренившийся в среде франкских воинов обычай удовлетворять свои сексуальные аппетиты с помощью насилия [4, с. 32]. Однако известно, что закон определял смертную казнь похитителю даже в том случае, если девица была согласна на брак с ним [6, с. 67]. Как отмечает А.И. Першиц, радикальностью отличались средневековые законодательные акты соседних славянских стран [26, с. 122]. Законник владыки Петра I Негоша (конец XVIII в.) приравнивал «умыкание» чужой жены или девушки «к тяжелейшим преступлениям, подобным убийству», причем наказывалось это деяние «очень строго – изгнанием из страны и лишением имущества». Зачастую наказанию подвергался не только сам похититель, но и другие участники противозаконного предприятия. Священнослужителя, освятившего брак, могли лишить сана [18, с. 95–96].

Конечно, трудно быть уверенным в том, что в действительности конфликтные ситуации всегда разрешались в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства, но стремление власти создать весомые преграды на пути распространения брачного своеволия представляется очевидным.

Законодательные акты в Древней Руси составлялись согласно общеевропейской тенденции. В частности, известна статья Устава князя Владимира: «А се ц(е)рк(о)внии соуди: ...умычка...» [14, с. 23]. Стремясь подчинить общество, церковь уделяла внимание наиболее значимым явлениям общественной жизни, следовательно, «умыкание» невест представлялось действием, способным поколебать мир и спокойствие социума. Текст Устава князя Ярослава даже позволяет предположить, что с течением времени нарастало негативное отношение к старой традиции со стороны органов власти: «Аще кто оумчить дев'ку или понасилить... на оумычницах по 60 митрополитоу...» [14, с. 94]. Законодатель приравнивает «умыкание» к изнасилованию. И то и другое признается правонарушением и наказывается штрафом.

Особый интерес представляет текст Бальзеровского извода Краткой редакции Устава князя Ярослава, где данная статья записана следующим образом: «Аще кто оумочить девку или насилит...» [14, с. 121]. По мнению Я.Н. Щапова, употребление слова «умучит», противоречащее первоначальному содержанию статьи об «умыкании», свидетельствует «об исчезновении языческого обычая “умыкания” невесты” поскольку человек, переписывавший текст в XV–XVI вв., когда был создан данный извод, плохо понимал слово “умчит” и, таким образом, ненамеренно исказил смысл самого текста» [36,

с. 203]. Признавая, что подобное объяснение ошибки переписчика вполне логично, все же хочется указать, что возможна и другая интерпретация данного казуса. Не исключено, что изменение смысла статьи было связано с полным провалом законодателей прошлых лет приравнять самовольное заключение брака к изнасилованию. Люди не были готовы выплачивать солидный штраф церковным властям за участие в полузаконном обычае, освященном древностью. Не исключено, что в XV–XVI вв. переписчик был неплохо знаком со словом «умчит», однако смысл текста статьи, который ему предстояло переписать, и его собственные представления о действительности противоречили друг другу. Быть может, текст статьи Бальзеровского извода являлся результатом не ошибки переписчика, а его попытки исправить неверное, по его мнению, т. е. поправить искаженный фрагмент, смысл которого не совпадал с общепринятым мнением о должных взаимоотношениях членов общества.

Вне зависимости от того, насколько наше предположение соответствует истине, очевидно, что всецелого подчинения молодых людей воле родителей, вопреки надеждам законотворцев, так и не произошло. Конечно, популярность «умыкания» в Западной Европе середины первого тысячелетия, на территории Древней Руси начала второго тысячелетия или в Черногории XVIII в. можно объяснить сосуществованием на единой территории в указанные периоды различных этнических групп с разными брачными традициями. Эти группы далеко не всегда были готовы поддерживать миролюбивые отношения. Скрытое противостояние слоев населения в рамках целостного политического образования вполне могло стать причиной жесткой реакции законодателя. Суровые меры, которые применялись к нарушителям традиций, должны были обеспечить сокращение противоправных действий представителей разных групп населения по отношению друг к другу. Однако это объяснение едва ли будет способно удовлетворить нас в ходе анализа жестких мер, которые требовал применить законодатель по отношению к инициаторам «умыкания» в иных случаях. Например, хорошо известно, что к самостоятельности в осуществлении матримониальных планов стремилась не только молодежь Древней Руси, но и отпрыски из семей благородного сословия России XVIII–XIX вв. Информация об этом сохранилась в архивах [7, л. 10–10 (об.), 11 (об.); 8, л. 16–17; 9, л. 1 (об.), 12; 10, л. 1; 11, л. 1]. О том же, как всегда красноречиво, свидетельствуют мемуары, оставленные близкими и знакомыми участников бурных событий, когда-то колебавших размеренное течение семейной жизни российских дворян [15, с. 26; 19, с. 287–293; 31, с. 125].

В XIX в. официальное отношение российского общества к «умыканию» было резко отрицательным. Особый интерес представляет то, что законодательно во второй половине XIX в. пришлось дважды определять наказания для молодежи, решившейся самовольно воплотить в жизнь свои матримониальные планы. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.) оценивало похищение незамужней с ее согласия для вступления с ней в брак как преступление. Похититель приговаривался к тюремному заключению и проводил там от 4 до 8 месяцев, а похищенная – на такое же количество времени помещалась в монастырь. Кроме того, отдельно указывалось, что брак без согласия родителей («против решительного запрещения родителей или без

испрошения согласия их») также являлся преступлением, следовательно, виновные наказывались как за похищение, а кроме того, лишались «права наследовать по закону в имении того из родителей, которого они оскорбили своим неповиновением» [2, с. 378]. Конечно, здесь в очередной раз сомнение вызывает действенность юридической нормы: неужели всегда решительная молодежь после самовольного заключения брака оказывалась в тюрьме или монастыре? Однако наибольший интерес представляет разделение самовольных браков на два самостоятельных «преступления». Одним из них являлось похищение девушки (ранее называвшееся «умыканием»). Другим преступлением представлялся самовольно заключенный брак (без похищения). Действительно, с торжеством церковного бракосочетания похищение теряло свой смысл, так как венчание вполне можно совершить тайком от общества, без демонстративного «умыкания» невесты. Получается, распространение новой религии не только значительно упростило молодым людям вступление в самовольный брак, но и уменьшило роль и значение собственно «умыкания» в процессе самовольного заключения брачного альянса.

Таким образом, в христианских странах «умыкание» претерпело значительную трансформацию под влиянием укореняющегося в сознании восприятия церковного венчания как основного обряда, проведение которого свидетельствует о законности заключенного брачного союза. Придание чрезвычайной значимости этому венчанию естественным образом привело к исчезновению у общества права определять «законность» сожительства молодых людей. Последствия были весьма значительны. С одной стороны, следствием стало повсеместное распространение самовольных браков, а также игнорирование молодыми людьми традиционных стремлений старших родственников выбирать им будущих супругов, что со временем стало общераспространенной нормой. С другой стороны, потерялся смысл самой процедуры «умыкания», так как обрести супружеское счастье в законном браке с возжеланной «второй половиной» стало вполне возможно без утомительной и довольно рискованной процедуры ее похищения.

В свете вышеизложенного закономерно было ожидать постепенное, но неумолимое исчезновение «умыкания» из числа живых свадебных обычаев христианских стран. Но действительность вновь оказалась сложнее и многообразнее гипотетических предположений. В Новое время «умыкание» не только не исчезло, но, напротив, обрело на территории некоторых ныне суверенных европейских государств невиданную ранее популярность и даже стало единственно приемлемым свадебным обрядом большей части их населения. О причинах и сущности столь радикальных изменений речь пойдет в статье, завершающей цикл публикаций, посвященных пределам свободы брачного выбора в прошлом и «умыканию» как действенному методу ее обретения.

Библиографический список

1. Анохин Г.И. Датчане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М.: Наука, 1990. С. 66–88.

2. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
3. Бессмертный Ю.Л. Брак, семья, любовь // Средневековая Европа глазами современников и историков: книга для чтения: в 5 ч. / отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М.: Интерпракс, 1994. Ч. 3. С. 315–325.
4. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.
5. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 544 с.
6. Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М.: РОССПЭН, 2002. 384 с.
7. Государственный архив Тверской области. Ф. 59. Д. 911.
8. Государственный архив Тверской области. Ф. 59. Д. 1441.
9. Государственный архив Тверской области. Ф. 59. Д. 2691.
10. Государственный архив Тверской области. Ф. 694. Д. 26.
11. Государственный архив Тверской области. Ф. 694. Д. 474.
12. Грацианская Н.Н. Чехи и словаки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1988. С. 33–65.
13. Долгов В.В. Представления об обществе в картине мира населения Древней Руси XI–XIII вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2008. 616 с.
14. Древнерусские княжеские уставы. М.: Наука, 1976. 240 с.
15. Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М.: Московский рабочий, 1988. 573 с.
16. Жирнова Г.В. Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX – начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / ред. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 32–47.
17. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. Т. 6 / ред. А.С. Павлов. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 1472 с.
18. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
19. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Художественная литература, 1974. 366 с.
20. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
21. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М.: Наука, 1974. 233 с.
22. Лобачева Н.П. Что такое свадебный обряд? (опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности) // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 55–64.
23. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 466–499.
24. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2003. 416 с.
25. Омелянчук С.В. Пережитки язычества в древнерусской семье // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 42. С. 178–187.
26. Першиц А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Советская этнография. 1982. № 4. С. 121–127.
27. Пушкарева Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98.
28. Пушкарева Н.Л. Русская семья X–XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 66–79.

29. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011. 216 с.
30. Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе XVI в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 7–31.
31. Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770–1838 гг. СПб.: Огни, 1914. 172 с.
32. Токарев С.А., Шервуд Е.А. Народы Швейцарии // Брак у народов Западной и Южной Европы. М.: Наука, 1989. С. 89–106.
33. Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. М.: Наука, 1989. С. 5–43.
34. Шервуд Е.А. Валлийцы и корнуольцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М.: Наука, 1990. С. 120–128.
35. Шлыгина Н.В. Водская свадьба (традиции и русское влияние) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 260–278.
36. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 342 с.

CHRISTIANITY AND TRADITION OF THE «ABDUCTION»

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

In previous publications, the author tried to reconstruct the history of the ancient custom of «abduction». The development of social and property inequality has turned the wedding ritual into a tradition that could be the first step towards the conclusion of a marriage alliance. The «abduction» was committed by a party who wanted to marry, and was also ready to force others to enter into or recognize a marriage. For example, young people who wanted to marry against the will of their parents resorted to «abduction». Under the influence of various factors, this custom has undergone significant changes. In this article, we are talking about the transformation of «abduction» under the influence of the spread of Christianity among European peoples.

Keywords: marriage, family, custom, the ways of marriage.

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3168-2020; e-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Department of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3168-2020; e-mail: nzanegina@rambler.ru

УДК 130.2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПОДРАСТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В.Ф. Мартюшов, А.А. Золотов, А.С. Ломакин, В.В. Боровик

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Мартюшов В.Ф., Золотов А.А.,

Ломакин А.С., Боровик В.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-41-47

Феномен цифровизации рассматривается в связи с его влиянием на когнитивное развитие и процесс социализации детей и подростков. Обсуждаются неблагоприятные последствия воздействия цифровой среды на сознание и коммуникативные навыки подрастающего поколения. Интернет-угрозы социальному и психическому здоровью детей трактуются как обратная сторона права на свободный доступ к информации. Особое внимание уделяется обсуждению проблемы онлайн-рисков, с которыми сталкиваются дети в интернете, с опорой на результаты социологических исследований. Обосновывается важность для личности ребенка значимого «другого» в противостоянии негативному воздействию цифровизации на его сознание. Делается вывод о необходимости совместных усилий всех социальных институтов для создания безопасной информационной среды.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое слабоумие, когнитивное развитие, социализация, онлайн-риски, информационная безопасность, родительский контроль, психологическая коррекция.

Одним из важнейших критериев вовлеченности отдельной страны или личности в жизнь всего человечества является цифровизация. Тот, кто не имеет доступа к глобальной сети, практически не существует в современном мире: он может заниматься чем угодно, но не будет при этом являться участником общего дела [7]. В связи с этим все чаще и чаще обсуждаются темы, связанные с влиянием современных технологий на взрослых людей и подрастающее поколение. Дискуссия по этому вопросу, как правило, протекает в диапазоне, обозначенном двумя точками зрения: первая из них сводится к мнению, что увеличивающееся число гаджетов и повсеместная практика их использования приводят к отупению взрослых и тормозят развитие детей; сторонники второй, наоборот, ратуют за применение компьютеров в текущей жизнедеятельности и рассматривают их как источник бесконечных возможностей развития современного человека.

Те, кто придерживается негативного взгляда на проблему «дети и интернет», склонны утверждать, что цифровые технологии, в частности общение в социальных сетях, изменяют мозг человека, т. е. способствуют его неблагоприятному развитию. В этом отношении достаточно показательна позиция С. Гринфилд: исследовательница характеризует важность сегодняшних изменений в нашем сознании, связанных с практикой использования смартфонов

и «зависания» в социальных сетях, с проблемой изменения климата [11]. Уход в двухмерное пространство социальных сетей атрофирует живые социальные навыки, развивает аутизм и приводит к отказу от реальной жизни [11].

Введенный в научный обиход М. Шпитцером термин *Digitate Demenz* (переводится как цифровое слабоумие) является достаточно прозрачным и позволяет сделать вывод о том, каким образом его автор характеризует влияние цифровых коммуникаций на сознание ребенка: отсутствие образовательной базы у детей пагубно сказывается как на самой способности к обучению, так и на развитии интеллекта. При этом указывается, что применение компьютера образованными взрослыми является несомненным благом, полезным инструментом для приобретения новых знаний [10].

Особую роль в когнитивных изменениях сознания, по мнению Э. Тоффлера, играет третья волна цивилизации, связанная с демассификацией и, как следствием, огромным увеличением объема информации, которым люди обмениваются друг с другом. В этом ученый видит причину, почему мы становимся «информационным обществом». Э. Тоффлер придает колоссальное значение появлению, наряду с новой техносферой, новой инфосферы и полагает, что это порождает далеко идущие последствия во всех сферах жизни, включая сознание [8].

Невозможность обработать и удержать в сознании всю поступающую информацию провоцирует широкое распространение цифровых технологий, обеспечивающих быстрый доступ к необходимой информации, а также и межличностную коммуникацию без границ во времени и пространстве.

Проблема цифровизации обнаруживает себя в том числе в процессе социализации личности (наиболее остро переживаемом в подростковом возрасте). Интеллектуальная функция мозга вырабатывалась в ходе эволюции для налаживания сложных социальных отношений. Для нормального развития личности необходим «Другой». Это неоднократно акцентировалось Л.С. Выготским при рассмотрении становления интеллектуального и речевого развития в онтогенезе: «Путь от вещи к ребенку и от ребенка к вещи лежит через другого человека» [1, с. 846]. То же в более обобщенной форме формулируется ученым при акцентировании значимости «Другого» в эволюции человеческого сознания: «Путь через другого человека – центральная трасса развития практического интеллекта...» [1, с. 846].

Понятие «Другого» как медиатора социализации личности ребенка и подростка приобретает особую актуальность в наше время в связи с тем, что место «Другого» – живого партнера по общению – все чаще занимает виртуальный друг, с которым комфортнее и проще общаться, чем с реальным. Исключение себя из живого социального общения имеет тяжелые последствия для психики, что выражается в усилении тревожности и депрессивных состояниях, о чем с обеспокоенностью сообщают психиатры (см., например, [5]).

В отечественных социологических исследованиях имеются сведения о частоте использования социальных сетей российскими подростками. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, около 90 % подростков в возрасте от 14 до 17 лет находятся в социальных сетях ежедневно

или почти ежедневно, 9 % опрошенных заявили, что пользуются социальными сетями несколько раз в неделю и только 1 % респондентов указал, что не использует социальные сети [6].

Внутренняя статистика интенсивности времяпрепровождения школьников в интернете с целью поддержания контакта, проверки обновлений в интересующем их сообществе, просмотра определенного видео или просто скроллинга ленты новостей говорит сама за себя. При этом наука не стоит на месте и изобретаются все более мощные цифровые технологии, которые становятся еще более привлекательными для подрастающего поколения. Вопрос о том, насколько безопасным является пребывание в интернет-среде этой возрастной категории пользователей, волнует не только ответственных родителей, но и нейробиологов, нейрофизиологов, педагогов, психологов, психиатров, социологов и философов, занимающихся проблемами одиночества и отчуждения в современном обществе. Представляется, что дальнейшее устойчивое социальное развитие и обеспечение безопасности личности невозможны без исследования вопросов информационной безопасности аудитории от нежелательного воздействия на нее.

В исследовании [2] резюмируется, что «информационная безопасность – это такое состояние социума, при котором обеспечена надежная и всесторонняя защита личности, общества и государства от воздействия на них особого вида угроз, выступающих в форме организованных либо стихийно возникающих информационных потоков, осуществляемых в интересах регрессивных, реакционных или экстремистски настроенных политических и социальных сил и направленных на осознанную деформацию общественного и индивидуального сознания, следствием чего выступает девиантное поведение личности, усиление социально-политических, экономических и духовных коллизий, нарастает, развивается и закрепляется психологическая и психическая напряженность социума. В этих условиях определяющее значение имеет социально-информационная безопасность, которая представляет собой защиту акторов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные социальные процессы» [2, с. 71–72].

Доступ к сети Интернет – это одно из ключевых и присущих человеку прав, сравнимое со столь же основополагающим и универсальным правом на доступ к средствам массовой информации. Это прямо следует из права на свободу выражения мнения, которое включает свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, как это определено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Европейской конвенции о правах человека, ст. 11 Хартии основных прав Европейского союза, ст. 26 Хартии европейской безопасности и ст. 29 Конституции РФ. Следовательно, право доступа к интернету не зависит от цели его применения. Каждый имеет право узнавать и выражать свои убеждения с его помощью, использовать глобальную сеть для развлечения, общения и других целей.

Однако условно неограниченный доступ означает наличие ответственности за качество воздействия полученных данных на пользователя. Кроме того, следует также отметить, что постоянно увеличивающийся объем информации, к которой осуществляется доступ, требует особых навыков, которые часто отсутствуют даже у взрослого человека, что приводит к растущему недоверию к сведениям или, что гораздо хуже, вере во все, что встречается на просторах интернета.

Тема безопасности детей и подростков в сети Интернет стала центральной на форуме «Цифровая гигиена. Молодежь в сети», который был организован ОАО «Крибрум» и проведен на базе Международного информационного агентства «Россия сегодня» 28 марта 2019 г.

Н. Касперской, одним из основателей «Крибрум», президентом компании InfoWatch, был представлен список основных угроз, поджидающих детей и подростков в виртуальном пространстве, и, помимо этого, список групп, разрушающих личность, со стабильно высокими показателями прироста аудитории в социальных сетях, включая несовершеннолетних пользователей. Так, за период с марта 2018 г. по март 2019 г. прирост тематических групп ныне запрещенного ультрадвижения «Арестантский уклад един» составил 9 миллионов человек (из них 2 миллиона – несовершеннолетние); групп, связанных с распространением наркотических веществ, – 702 тысячи человек (23 тысячи – подростки); групп, призывающих к вооруженному нападению в школах и убийствам, – 125 тысяч человек (20 тысяч подростков). В сообществах буллеров, агитирующих травить слабых, и «троллей», беспрепятственно оскорбляющих и провоцирующих на деструктивные споры, был замечен спад в количестве несовершеннолетних (минус 500 тысяч человек), количество этих участников таких групп осталось на прежнем уровне (примерно 2,5 миллиона человек). В суицидальных группах число участников не изменилось (350 тысяч человек, треть из которых – несовершеннолетние) [3].

На сайте Securelist, где представлены результаты исследования «Лаборатория Касперского: дети онлайн», рассматривается обратная сторона доступности информации. Степень серьезности угроз для несовершеннолетних связывается с самостоятельным просмотром интернет-контента при отсутствии технологии «Родительский контроль» или непосредственного присутствия авторитетного взрослого. Делается вывод о том, что «порнография, наркотики и алкоголь, нецензурная лексика, оружие, кибербуллинг и нежелательное общение с незнакомцами – все это основные виды опасности, которые принято считать актуальными, когда речь заходит о детях, пользующихся подключенными к сети устройствами» [3].

Как показала практика «Лаборатории Касперского», система родительского контроля зарегистрировала и пресекла за один только 2014 г. около 1,5 миллионов попыток посетить сайты с потенциально опасным материалом для детей. Данный показатель дает весьма скудное представление лишь о том, насколько часто дети сталкиваются с нежелательным контентом в интернете. Большинство устройств с выходом в интернет вообще не оборудованы приложениями для родительского контроля.

Обучение детей и подростков безопасности в интернете включает прежде всего знакомство с различными видами онлайн-опасностей (фишингом, пиратством, киберсталкинг, кибербуллинг, вредоносным программным обеспечением, предоставлением большого объема личной информации, непристойностью и т. п.). Однако онлайн-опасности не сводятся только к веб-сайтам с плохим содержанием: риски могут быть связаны также с чатами, компьютерными играми и группами социальных сетей.

Изучение онлайн-рисков, которым подвергаются дети в интернете, остается актуальной задачей, так как с дальнейшим развитием цифровых технологий происходит изменение характера угроз интернет-среды психологической безопасности ее пользователей – детей. В работе [4] со ссылкой на исследование Г.У. Солдатовой и В. Шляпникова приводится рейтинг наиболее опасной с точки зрения их родителей информационной продукции для ребенка. Иерархия актуальности угроз выглядит следующим образом: 1) порнография; 2) «грязная» реклама, насилие, социальные сети, секты; 3) игры-«стрелялки», националистическая литература, сайты про аварии и насилие, сетевые игры. Очевидно, что рейтинги онлайн-рисков (так же, как и сами списки) со временем могут меняться (по мере взросления детей, изменения их активности в интернете и преобразований в социуме).

Продуктивное обсуждение проблемы «Дети в интернете» предполагает концентрацию не на критике технологий, а на обсуждении способов и масштабов их использования. Эффективность защиты от угроз интернет-среды когнитивному развитию и психическому здоровью детей и подростков, а также их нормальной социализации связана в первую очередь с участием значимого «Другого» как важной составляющей этого процесса. Роль «Другого» могут выполнять родители, опекуны и прочие лица, осуществляющие воспитание и способные вызвать доверие ребенка. Безопасность нахождения детей и подростков в интернете – стратегическая задача государства. Трудно переоценить педагогический потенциал образовательных организаций, направленный на предотвращение негативного воздействия интернета на способности к обучению и интеллектуальное развитие школьников. Профилактика интернет-рисков, психологическая коррекция и другие виды психологической помощи при интернет-аддикции и депрессивных состояниях у детей и подростков осуществляется в условиях психологического консультирования. Создание безопасной информационной среды, поддерживающей успешное развитие данной возрастной категории, возможно только при совместных усилиях всего общества.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
2. Мамедов Р.Н. Обеспечение информационно-коммуникационной безопасности медиасреды: проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. С. 70–73.

3. Исследование «Лаборатории Касперского»: дети онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://securelist.ru/issledovanie-laboratorii-kasperskogo-deti-onlajn/25212> (дата обращения: 10.02.2021).
4. Калашникова Г.В., Пежемская Ю.С. Угрозы интернет-среды для психологической безопасности детей и подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://shelter-tranzit.ru/wp-content/uploads/2018/07/Калашникова-Г.В.-Пежемская-Ю.С.-УГРОЗЫ-ИД-167-171.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Курпатов А. Наша проблема – цифровое слабоумие, никаких гаджетов до 3 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27097/4170114/> (дата обращения: 10.02.2021).
6. Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587> (дата обращения: 12.02.2021).
7. Татьяна Черниговская: цифровизация и человечность. Нейролингвист рассказала об особенностях жизни в цифровом мире [Электронный ресурс]. URL: <http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/glav/nauka/tatyana-chernigovskaya-tsifrovizatsiya-i-chelovechnost/> (дата обращения: 12.02.2021).
8. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова [и др.]. М.: АСТ, 2004. 345 с.
9. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.
10. Шпитцер М. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2008. 288 с.
11. Greenfield S. Mind Change: How Digital Technologies are Leaving their Mark on our Brains. NY: Random House, 2015. 349 p.

DIGITALIZATION AND YOUNGER GENERATION: CHALLENGES OF THE PRESENT

V.F. Martushov, A.A. Zolotov, A.S. Lomakin, V.V. Borovick

Tver State Technical University, Tver

Digitalization phenomenon is viewed in association with its influence on cognitive and social development of children and youngsters. Negative consequences of digital medium effect on younger generation consciousness and communicative skills are being discussed. Internet-threats to social and mental health of children are interpreted as the downside of right of access to information. Special attention is paid to discussion of online-risk problem supported by the results of social investigations. Significance of “the other” relevance for identity of the kid in opposition to negative digital influence on its consciousness is being justified. The report concluded that it is necessary to combine efforts of all social institutions to establish safe information space.

Keywords: *digitalization, digital dementia, cognitive evolution, socialization, online risks, information security, parental control, psychological correction.*

Об авторах:

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1684-0822; e-mail: vmarnushov@mail.ru

Золотов Алексей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 6031-2946; e-mail: zlat76@yahoo.com

Ломакин Артем Сергеевич – студент 3-го курса факультета информационных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: lomakintema@mail.ru

Боровик Владимир Владимирович – студент 3-го курса факультета информационных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: refhesx@mail.ru

Authors information:

Martushov Vladimir Filippovich – PhD (Philosophical Sciences), Associated Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 1684-0822; e-mail: vmartushov@mail.ru

Zolotov Alexey Alexeevich – PhD (Philosophical Sciences), Associated Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 6031-2946; e-mail: zlat76@yahoo.com

Lomakin Artem Sergeevich – 3rd year student of the Faculty of Information Technology of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: lomakintema@mail.ru

Borovick Vladimir Vladimirovich – 3rd year student of the Faculty of Information Technology of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: refhesx@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.953.5+37.015.3

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭМПАТИЯ КАК ФАКТОР УСПЕВАЕМОСТИ УЧАЩИХСЯ

В.В. Сизова¹, О.М. Крижовецкая^{1,2}

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

² МБОУ «Средняя школа № 30», г. Тверь

© Сизова В.В., Крижовецкая О.М., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-48-53

В статье исследуются особенности проявления педагогической эмпатии в образовательном учреждении. Вместе с диагностикой способности к эмпатии у учителей был проведен анализ успеваемости учащихся. Данные эмпирического исследования подтверждают наличие прямой связи между эмпатийными способностями педагогов и показателями успеваемости, которые обучаемые продемонстрировали за полугодовой период. Высказано предположение, что уровень эмпатии педагога может повлиять на показатели академической успеваемости.

Ключевые слова: педагогическая эмпатия, показатели, академическая успеваемость, психодиагностическая методика, психологический климат.

В психологии в настоящее время существует достаточное количество научных исследований по проблемам эмпатии. Отечественные и зарубежные ученые рассматривают эмпатию в качестве аспекта как познания, так и коммуникации и используют интегративные подходы к пониманию данного феномена. Изучение педагогической эмпатии позволяет получить более глубокое представление о взаимоотношениях педагога и обучаемого. Авторы статьи трактуют педагогическую эмпатию как профессионально значимую характеристику учителя, которая проявляется в коммуникации с обучаемым и выявляет способность обучающего сопереживать текущему состоянию обучаемого. Для учащихся эмпатичность учителя, охватывающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, имеет намного большее значение, нежели просто его социально-ролевое поведение, так как способствует созданию атмосферы взаимопонимания в учебном процессе.

Результаты исследований А.А. Бодалева, В.В. Бойко, Г. Калеро, Е.А. Климова, А. Меграбяна, Р. Мэй, А.Н. Насифуллиной, Д. Ниренберга, Н.В. Обозова, С.Л. Рубинштейна, О.И. Цветковой, И.М. Юсупова, Н. Эпштейна и других раскрывают значимость эмпатии в педагогической коммуникации. Все перечисленные авторы утверждают, что педагогическая эмпатия является одним из важных аспектов в осознанном восприятии эмоционального состояния обучаемого. Подчеркивается, что «проблема развития эмпатии ставится как одна из основных в процессе организации обучения и супервизии профессионалов-практиков» [3]. В понимании экспертов эмпатия выступает инструментом взаимодействия между преподавателем и обучаемым, средством педагогической

проницательности, установления благоприятного психологического климата, эмоциональной интеграции с учащимися и вследствие этого обязательным условием учебного процесса.

По утверждению авторов, к эмпатийным характеристикам педагога можно отнести качества:

конгруэнтность – органичность, непринужденность во время взаимодействия с учениками;

искренность – отсутствие противоречий между реальными чувствами и намерениями в отношении учеников;

доброжелательность – умение принимать ученика таким, какой он есть, относиться к нему с уважением и поддерживать его, если он нуждается в этом;

деликатность – способность избегать во взаимоотношениях с учениками неприятных для них тем, воспоминаний, интонаций;

умение распознавать и контролировать свои собственные чувства и эмоции;

ясность и определенность – способность точно выразить свое личное мнение через конкретные и четкие суждения, умение убедительно отвечать на поставленный вопрос.

Авторы предполагают, что оказывая эмоциональную поддержку, педагог с эмпатийными способностями обеспечивает успешность межличностных отношений в учебном процессе; эти способности могут повлиять на успеваемость обучающихся.

Цель данного мини-исследования – выявить степень эмпатийности педагогов и ее влияние на учебную успеваемость обучающихся. Исследование проводилось в течение полугода в рамках муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения, а именно средней общеобразовательной школы г. Твери, на добровольной основе. Диагностическая выборка учителей ($N = 19$) состояла из 15 женщин и 4 мужчин возрастом от 21 до 58 лет ($Ср = 43,3$). Опыт преподавания варьировался от 1 года до 37 лет ($Ср = 22,1$). Большой разброс возрастов и преподавательского стажа показателен для настоящего исследования, так как может дать широкий срез по опыту работы и возможность проверить утверждение о том, что «способность к проявлению эмпатии возрастает с ростом опыта межличностных отношений», а «с возрастом эмпатийные способности могут значительно понизить свой уровень» [4]. Использовались опрос, диагностические тесты «Шкала эмоционального отклика» по А. Меграбяну, Н. Эпштейну и «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» по И.М. Юсупову, фиксация показателей учебной деятельности за полугодовой период, статистический анализ и описательная статистика. Выбор двух диагностических тестов обусловлен необходимостью получения более полной картины данных, а также областью применения (в частности, методика И.М. Юсупова рекомендуется для педагогических учреждений), наличием шкал неискренности, валидности и психологической защиты, которые помогают достоверно оценить регистрируемые показатели.

Диагностический тест А. Меграбяна, Н. Эпштейна дает возможность рассмотреть эмпатические тенденции тестируемых по степени проявления «способности к эмоциональному отклику на переживания других лиц и степень

соответствия/несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии, объектами эмпатии выступают социальные ситуации и люди, которым тестируемый может сопереживать в повседневной жизни» [2]. Анкета охватывает 25 прямых и обратных утверждений закрытого типа. Тестируемому требуется определить степень своего согласия/несогласия по четырехступенчатой шкале (от «полностью согласен» до «полностью не согласен»).

По результатам вышеуказанной методики измерения (рисунок), ни у одного педагога не было установлено ни «очень высокого», ни «очень низкого» уровней проявления способности к сопереживанию другим людям.

31,5 % педагогов имеют высокий уровень проявления эмпатии. В коммуникации с учащимися такие учителя обладают выраженной положительной эмоциональной реакцией, склонны проявлять альтруизм в деятельности, активно оказывают помощь своим ученикам. Средний уровень составляют 58 % учителей. В общении они контролируют собственное эмоциональное поведение, основывая свои суждения на оценках поступков учеников.

Низкий уровень был выявлен у 10,5 %. Такой педагог отличается минимальным уровнем сопереживания: показывать и выражать свои чувства в учебном пространстве считает возможным только в эмоционально критических ситуациях. Редко принимает мнения других участников коммуникативного процесса. По этой причине ему сложно создать теплые и доверительные отношения со своими учениками.

Измерение уровней эмпатии педагогов по «Шкале эмоционального отклика»
А. Меграбяна, Н. Эпштейна, %

По мнению Н.А. Будаговской и других, «Шкала эмоционального отклика» – валидный, надежный тест, направленный на исследование эмпатии, но имеющий незначительный недостаток – узкое понимание эмпатии как эмоциональной отзывчивости» [1], поэтому авторы статьи провели уточняющее тестирование по методике «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» по И.М. Юсупову. Чтобы определить уровень эмпатийных тенденций, испытуемому требуется ответить на каждое из 36 утверждений, используя шестиступенчатую градацию – от 0 («не знаю») до 5 («всегда»). Шкала эмпатийных тенденций включает «очень высокий», «высокий», «средний»,

«низкий» и «очень низкий» уровни. Анализируются как данные отдельных шкал, так и общий показатель уровня эмпатии.

По данным «Диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии» (таблица), большинство испытуемых выборки демонстрируют средний уровень, который характеризуется как допустимый для педагогов. Это обозначает, что учителя проявляют внимательность, стараясь воспринять как вербальное, так и невербальное поведение, но при чрезмерных проявлениях эмоций со стороны обучаемых могут не сдержаться в реакции на то, что их раздражает. «Предпочитают деликатно не высказывать свою точку зрения, не будучи уверенным, что она будет принята. В межличностном общении стараются судить о других по их поведению. Им не чужды эмоциональные проявления, хотя в целом они обладают самоконтролем» [4]. Учителя, демонстрирующие средний уровень эмпатии, благожелательны, инициативны в общении с обучаемыми, но не всегда владеют аудиторией.

Измерения поликоммуникативной эмпатии педагогов по методике И.М. Юсупова ($\Sigma_{\text{ср}}$)

Шкалы проявления эмпатии	Средние значения	Достоверность результата
I	9,7	+
II	11,3	+
III	5,08	+
IV	9,11	+
V	33,3	+
VI	8,7	+
Общий уровень эмпатии	51,14	+

Согласно полученным данным, 15 % педагогов выборки имеют высокий уровень эмпатии, т. е. тестируемые восприимчивы к проблемам обучаемых, доброжелательны, «общительны, эмоционально отзывчивы, быстро устанавливают контакты и достигают взаимопонимания» [4]. Такие педагоги, как правило, являются экстравертами, спокойно рефлектируют на критические замечания, стремятся не доводить до провоцирующих конфликт ситуаций и найти компромиссный вариант решения проблемы.

В группе не обнаружено респондентов с «очень высоким» уровнем способности к сопереживанию. Такие педагоги, как показывает практика, очень ранимы, что ухудшает их коммуникативные навыки. Они имеют склонность к психологическим напряжениям и, как следствие, невротическим расстройствам и испытывают потребность в сторонней эмоциональной поддержке.

Выборка также не содержит респондентов с «очень низким» и «низким» уровнями эмпатии. Коммуникация учителей со слаборазвитой способностью к сопереживанию отличается закрытостью, нетерпимостью, недостаточной гибкостью и отсутствием дифференциации в обучающем процессе. Такие учителя могут допустить педагогическую бестактность и склонны к морализаторству и истерии.

Возрастной разброс респондентов предоставил возможность авторам проверить утверждение о том, что способность к проявлению эмпатии возрастает с опытом межличностных отношений. Среди участников опроса 73 %

имели педагогический стаж работы более 20 лет, условно принятый как достаточный для наработки опыта межличностных отношений. После обработки результатов тестирования все они вошли в группы высокого и среднего уровня проявления эмпатии, что подтверждает исследования [4]. Гипотезу о возрастном понижении эмпатийных возможностей авторам проверить не удалось, так как при среднем возрасте данной выборки в 43,3 года всего 16,7 % респондентов были ≥ 58 лет и не могли валидно составить категорию возрастных испытуемых.

Наряду с эмпирическим исследованием эмпатийных тенденций, был проведен анализ успеваемости учащихся в классах тех педагогов, которые участвовали в тестировании, путем подсчета средних баллов успеваемости учеников одного класса отдельно за полугодовой период.

Рассматривая линейную корреляцию показателей двух диагностических тестов и средних баллов академической успеваемости учащихся по дисциплинам каждого педагога, авторы получили подтверждение взаимосвязи между эмпатийными тенденциями педагогов и теми средними оценками, которые получили обучаемые за полугодовой период. Данные результаты позволяют предположить, что эмпатичность учителя в большей или меньшей степени может повлиять на учебные показатели учащихся.

Итоги данного исследования дают возможность констатировать, что педагогическая эмпатия большинства педагогов является ингерентным компонентом педагогического воздействия на обучаемых и в определенной степени служит инструментом влияния на успеваемость последних. Однако необходимо признать, что на показатели учебной деятельности обучаемых могут оказывать влияние и другие факторы или их совокупность, например возрастная категория педагогов, их педагогический стаж, способ подачи учебного материала и степень его сложности, уровень подготовленности учащихся к занятиям, их интеллектуальный потенциал, специфические свойства личности ребенка и т. п. Эмпатийность выступает лишь как один из аспектов учебного взаимодействия учителя и ученика.

Таким образом, педагоги данной выборки обладают приемлемым уровнем эмпатии. Они демонстрируют способность к рефлексии, т. е. к переосмыслению собственной активности и психических состояний, выражению эмоций и чувств, в том числе негативных. Это позволяет учителю в большей степени быть вовлеченным в жизнь учащихся, снизить стремление к доминированию, стабилизировать межличностные отношения, адекватно рефлексировать на стрессовые ситуации, т. е. способствует созданию благоприятного психологического климата в учебном процессе.

Библиографический список

1. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1 (76). С. 202–227.
2. Диагностика эмпатии по А. Меграбяну и Н. Эпштейну [Электронный ресурс]. URL: <https://hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=847&print=true> (дата обращения: 19.10.2020).

3. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2013. 175 с.
4. Юсупов И.М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. СПб., 1995. 255 с.

PEDAGOGICAL EMPATHY AS FACTOR OF ACADEMIC ACHIEVEMENT

V.V. Sizova¹, O.M. Krizhovetskaya^{1,2}

¹Tver State Technical University, Tver

² Municipal Budgetary Educational Institution «Secondary School No. 30», Tver

The article examines the features of pedagogical empathy manifestation in a municipal budgetary educational institution. Together with an empirical study of pedagogical empathy, the analysis of students' academic performance was carried out. The results of empirical research confirm the existence of a direct connection between the empathic tendencies of teachers and the average marks that students receive over a six-month period. It is concluded that the level of teacher's empathy influences the academic performance of students.

Keywords: pedagogical empathy, academic performance, psychodiagnostic test, psychological climate.

Об авторах:

Сизова Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3455-82-42; e-mail: vicas2005@yandex.ru

Крижовецкая Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1053-8017; e-mail: krizhok@mail.ru

Authors information:

Sizova Victoria Valentinovna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Second Languages of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3455-82-42; e-mail: vicas2005@yandex.ru

Krizhovetskaya Oksana Mihailovna – PhD (Philological Sciences), Associate Professor of the Department of Russian Language of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1053-8017; e-mail: krizhok@mail.ru

УДК 159.953.5+37.013.77

ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНИКА

В.С. Нефедьева, Т.В. Сварчевская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Нефедьева В.С., Сварчевская Т.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-54-57

Статья посвящена анализу опыта создания современного учебника русского языка как иностранного с учетом личностно-деятельностного подхода к обучению. Рассматриваются проблемы и трудности обучения иностранцев русскому языку на предвузовском этапе. Актуализируется психологический аспект проблемы обучения, а именно необходимость и возможность учета личностных качеств и характеристик как преподавателя, так и обучающегося при отборе и системной организации содержания обучения русскому языку как иностранному на базовом уровне.

Ключевые слова: личностно-деятельностный подход, обучение, русский язык как иностранный, учебник, базовый уровень.

Начиная размышлять о ценности и значении основного учебника русского языка как иностранного (РКИ), мы внимательно изучили используемые в практике преподавания РКИ учебники и учебные пособия и задумались о том, что на практике, имея под рукой основной учебник, преподаватель испытывает нужду в привлечении большого количества дополнительных учебных материалов. Вспомним в этой связи учебник «Старт» [1], к которому преподаватели на многих кафедрах РКИ «пришивали рукава» – разрабатывали приложения, пособия, сборники письменных и контрольных работ и т. п. Преподаватель как творческая личность редко довольствуется предлагаемым в учебнике, например текстовым материалом, особенно если текст не близок ему в морально-эмоциональном плане, или, «проиграв» сценарий учебника в одной группе студентов, понимает, что в другой аудитории востребованы тексты иной степени сложности, культурной и эстетической направленности и т. д. Постоянно также возникает необходимость в корректировке, дополнении содержания контрольных материалов, что, впрочем, не является трудностью для преподавателя, поскольку позволяет ему реально оценить не только результаты своих студентов, но и корректность, эффективность подобранных им дополнительных учебных материалов. Говорим ли мы в данном случае о потребностях личности преподавателя? Нет: мы видим личностно ориентированный подход в обучении – выстраивание обучения с учетом индивидуальных интересов и запросов представителей современного молодого поколения.

Отечественными психологами применительно к обучению рассматривается личностно-деятельностный подход, при котором в центре внимания находится обучающийся в полном объеме его личностных параметров и качеств (национальность, пол, возраст статус, индивидуально-психологические

особенности, цели и мотивы обучения, интересы, ценностные ориентации); преподаватель организует учебную деятельность и представляет содержание обучения с учетом его личности [2, с. 77, 88].

Как соотносить стандарт образования, содержание лингводидактической программы, необходимость выполнения учебного плана и мотивацию личности учащегося? Как отразить специфику личностно ориентированного подхода в средствах обучения и учебниках, работа с которыми учитывала и формировала бы личностный смысл учащегося? Эти и другие вопросы волновали коллектив авторов, приступавших к разработке учебника русского языка для базового уровня обучения иностранцев на подготовительном отделении [3; 4].

Оказавшись перед выбором, понимая, что учебник не самоцель, авторы определяли не только метод и систему приемов обучения, но и, считая обучающегося субъектом учебной деятельности, предполагали предоставление для него возможности саморазвития и самообразования, а для преподавателя – возможности личностного развития обучающихся. Прежде всего это отражено в отборе и организации содержания обучения. Большая часть деятельности, предлагаемой в учебнике, имеет мотивационный, функциональный и коммуникативный характер. Авторы опирались на мнение [5, с. 26], что учебный материал не должен заучиваться, а предназначен для стимулирования мыслительной деятельности, побуждающей к выражению собственного мнения или предположения.

Традиционно обучение иностранцев на подготовительном отделении осуществляется в небольших (6–8 человек) группах, сформированных чаще всего по времени заезда учащихся. Группа обычно состоит из представителей разных стран, возрастов, разной степени образованности, с разным уровнем мотивации к обучению, прибывших на обучение по бюджету и по индивидуальному контракту, с разными культурными и религиозными ценностями и установками и, конечно, с индивидуальными чертами характера. В такой группе очень важно организовать обучение в атмосфере сотрудничества, взаимопомощи и поддержки, создать условия для раскрытия и реализации возможностей и способностей каждого учащегося.

Может ли учебник помочь преподавателю РКИ успешно справиться со стоящими перед ним задачами: учесть, объединить, развить и т. п.? Рассматривая преподавателя (в нашем случае российского) как субъекта учебной деятельности, мы пришли к необходимости максимально отразить в учебнике его ценностные ориентиры, эстетические предпочтения, этические привычки и ожидания и т. п. С этой целью целенаправленно отбиралась, интерпретировалась и адаптировалась информация журналов, статей, открытых для свободного доступа в интернете. Были подобраны материалы и тексты, которые позволили бы преподавателю реализовать и развить индивидуальный творческий стиль преподавателя как педагога, методиста и воспитателя, а также создать для обучающихся комфортную языковую среду, способствующую непринужденному речевому взаимодействию.

Авторы исходили также из понимания того, что лексическая, текстовая составляющая современного учебника РКИ несомненно должна отражать языковую и научно-культурную тенденции и проявления начала XXI в., когда

широко используются информационные и коммуникационные технологии, когда каждый обучающийся без проблем может получить интересующую его информацию или обменяться сообщениями с друзьями и однокурсниками. В учебнике заложена возможность стимулировать обучающихся к самообучению с применением интернета, к сотрудничеству путем переписки с преподавателем, разговора по мобильной аудио- и видеосвязи, общения в социальных сетях. В этой связи актуальной оказалась подготовка к дистанционным видам и формам учебной работы в период пандемии 2020–2021 гг.

В системной организации учебника представлены различные типы и виды упражнений, ранжированные по этапам формирования, развития и совершенствования навыков и умений общения на РКИ. Дифференцированные и индивидуальные подходы к обучающимся реализуются в организации лексико-грамматической информации, например в вариативных формах иллюстративного характера (с использованием таблиц, схем, рисунков, фотографий, контекста).

Психологическая комфортность обучающихся обеспечивается постановкой различных коммуникативных задач, отвечающих их потребностям в плане адаптации к новой языковой и социальной действительности, учебной деятельности, а также в плане самореализации и развития способностей успешного установления контактов и общения.

Как в структуре, так и в содержательной части учебника заложена перспектива становления навыков и умений обучающихся. Это относится к поэтапной организации типов и видов упражнений, к степени адаптации и сложности текстов и коммуникативных заданий. Контроль уровня сформированности у обучающихся навыков и умений общения на РКИ предполагается проводить по дополнительно разработанным кафедрой, сопровождающим основной учебник контрольно-измерительным материалам. Но несомненно, что результат учебной деятельности обучающегося оценивается во всех планах предметных, личностных, познавательных, интеллектуальных составляющих его развития и становления как носителя РКИ.

Библиографический список

1. Старт I: учебник русского языка для подготовки факультетов вузов СССР: вводный курс: книга для студента / М.М. Галеева [и др.]. М.: Русский язык, 1985. 173 с.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / изд. 2-е, доп., испр. и перераб. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 384 с.
3. Давайте учить русский! Базовый уровень: учебное пособие по русскому языку как иностранному / С.Н. Лузикова, В.Н. Варламова, Т.В. Сварчевская, В.С. Нефедьева, В.В. Грязнова, Н.В. Харитонова. Тверь: ТвГТУ, 2020. 184 с.
4. Учить русский? – Хорошо! Базовый уровень: учебное пособие по русскому языку как иностранному / Т.В. Сварчевская, В.В. Грязнова, В.С. Нефедьева, Н.В. Харитонова, С.Н. Лузикова, В.Н. Варламова. Тверь: ТвГТУ, 2020. 136 с.
5. Бунеев Р.Н. Личностно ориентированное образование // Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла: сборник материалов / под науч. ред. А.А. Леонтьева. М.: Баласс; Издательский дом РАО, 2003. С. 26–28.

PERSONAL AND ACTIVITY-BASED APPROACH TO TEACHING FOREIGNERS RUSSIAN: EXPERIENCE IN CREATING A MODERN TEXTBOOK

V.S. Nefedyeva, T.V. Svarchevskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the analysis of the experience of creating a modern textbook of the Russian language as a foreign language, taking into account the personal and activity-based approach to learning. There are considered the problems and difficulties of teaching foreigners Russian at the pre-university stage. The psychological aspect of the learning problem is updated, namely, the need and possibility of taking into account the personal qualities and characteristics of both the teacher and the student in the selection and systemic organization of the content of RKI training at the basic level is updated.

Keywords: *personal approach, activity approach, learning, Russian as a foreign language, textbook, basic level.*

Об авторах:

Нефедьева Валентина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 9905-0140; e-mail: nefedjevavs@mail.ru

Сварчевская Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 8032-1391; e-mail: svarchevskaya@mail.ru

Authors information:

Nefedyeva Valentina Sergeevna – PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Russian Language for Pre-university Training of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 9905-0140; e-mail: nefedjevavs@mail.ru

Svarchevskaya Tatyana Valerjevna – PhD (Philological Sciences), Associate Professor of the Department of Russian Language for Pre-university Training of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 8032-1391; e-mail: svarchevskaya@mail.ru

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ СОВРЕМЕННЫМИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ

Ф.В. Похилюк, С.И. Филиппченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Похилюк Ф.В., Филиппченкова С.И., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-58-63

В статье рассмотрены психологические детерминанты принятия управленческих решений современными руководителям (эти детерминанты оказывают существенное влияние на эффективность управленческой деятельности). Проанализированы психологическая структура и иерархичность процесса выработки управленческого решения руководителем на разных уровнях: операционального обеспечения деятельности; психофизиологических механизмов; специализации деятельности; активности руководителя как субъекта профессиональной деятельности. Раскрыто понятие управленческого потенциала руководителя с учетом психологических особенностей принятия им решений в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *принятие управленческого решения, психологические детерминанты, деятельность руководителя, мотивация, личностные особенности, этические принципы.*

Многогранность управленческой деятельности современного руководителя как субъекта характеризуется важным аспектом – принятием результативных управленческих решений. Сущность главной функции «Принятие решения» основывается в большей степени на социальном и должностном статусах руководителя. Первостепенными задачами остаются рациональное использование объективных возможностей исполнителей и учет присущих им индивидуально-психологических качеств. Ощутимое влияние на ход событий руководитель может оказать в случае полной ответственности за успех выбранных путей решения производственных задач и полученные результаты. В динамично меняющемся мире, рамках психологии управления и организационной психологии не прекращается поиск важных личностных качеств, которые формируют деятельность профессионального руководителя. Успешная управленческая деятельность напрямую зависит от набора профессионально важных качеств, личностных характеристик и индивидуально-психологических особенностей, совокупности черт и грамотного поведения руководителя.

Процесс выработки управленческого решения имеет четкую иерархию, состоящую из уровней операционального обеспечения деятельности, функций психофизиологии, специальной деятельности, действия [1]. Эта структурированная модель позволяет сформулировать основные психологические детерминанты принятия управленческих решений. Управленческий потенциал руководителя организации как субъекта труда выступает интегральной характеристикой, включающей специфическую структуру профессионально

важных качеств руководителя и особенности его управленческой концепции, проявляемой в стиле руководства коллективом и стратегиях деловой коммуникации, которые реализует начальник во взаимодействии с подчиненными. Руководитель в качестве субъекта труда выступает и субъектом межличностных отношений, стремится реализовать себя в профессиональной деятельности. Совокупность субъектных и профессионально важных качеств, а также управленческий потенциал руководитель как субъект прежде всего труда приобретает в процессе профессионального становления – процессе самоизменения личности под воздействием социальных факторов, специфики профессиональной деятельности и своей активности, которая направлена на саморазвитие и самосовершенствование. Управленческий потенциал руководителя как субъекта профессиональной деятельности базируется на потребности в постоянном совершенствовании и профессиональном самосохранении. Руководитель как специалист выступает профессиональным, компетентным работником, обладающим необходимыми для качественного и производительного выполнения труда знаниями, умениями, качествами, опытом и индивидуальным стилем работы [7].

Руководитель как профессионал является работником, обладающим, помимо знаний, умений, качеств и опыта, также определенной компетенцией, способностью к самоорганизации, ответственностью и профессиональной надежностью. Профессионал способен обнаружить проблему, сформулировать задачу и найти способ ее решения. Развитие управленческого потенциала руководителя как субъекта труда обусловлено уровнем его образования, имеющимися профессиональными знаниями и умениями, общими и специальными способностями, социально значимыми и профессионально важными качествами [5]. Реализация управленческого потенциала руководителя как субъекта труда зависит от многих факторов: биологической организации человека, социальной ситуации, характера профессиональной деятельности, активности личности, ее потребности в саморазвитии и самоактуализации. Однако ведущий фактор развития управленческого потенциала – система объективных требований к личности руководителя, детерминированных профессиональной (управленческой) деятельностью, в процессе выполнения которой возникают, формируются и проявляются новые свойства и качества. Эффективность управленческой деятельности руководителя как означенного субъекта может быть достигнута посредством совершенствования психологических возможностей руководителя; путем создания благоприятной профессиональной среды в трудовом коллективе; за счет снижения негативных социально-психологических факторов воздействия со стороны других людей (коллег и подчиненных).

Один из важных психологических детерминант принятия управленческих решений – грамотная активность руководителя как субъекта профессиональной деятельности; он должен отдавать себе полный отчет в понимании специфики своей деятельности и обладать внутренней дисциплиной [2]. Значимым аспектом в принятии решений также является непрерывная борьба, которая характеризуется конфликтом мотивов, но играет важную роль в достижении желаемых результатов. Появляется возможность выявить мотивационный

профиль и дать объективную оценку готовности руководителя идти на осознанный риск. Статус, который имеет человек, занимающий руководящую должность, и его поведение в нестандартных ситуациях дают яркую характеристику психической организации и зрелости личности [4]. Немаловажную роль в принятии управленческих решений играет жизненный опыт руководителя. Он определяется социальными нормами, установками, традициями и отношениями, которые господствуют в обществе, а также ожиданиями и межличностными взаимоотношениями в различных социальных группах. Давать положительную характеристику управленцу можно, основываясь на характере реализуемых им управленческих решений, способности спрогнозировать осуществление разных функций, а также умении эффективно взаимодействовать с подчиненными и руководителями других организаций.

Основная значимость руководителя и активизация всех ресурсов в ходе управленческой деятельности прослеживаются в напряженных и критических ситуациях. Именно эти ситуации провоцируют ускорение принятия решения в режиме жесткой нехватки времени и ограниченности информации. Однако в большинстве действующих организаций система управления обладает налаженным функционированием. Вследствие этого процесс принятия решений становится для руководителя рутинной деятельностью и не требует от него особых усилий и каких-либо энергетических затрат.

Однако в любой организации могут произойти неконтролируемые события, которые подразумевают под собой быструю смену действий, оперативный поиск новых альтернатив и удержание контроля при принятии управленческих решений. В подобных ситуациях, которые характеризуются стрессовым состоянием, руководитель действует в условиях высокой поисковой активности, все его ресурсы задействованы в процессе принятия решения. В условиях неопределенности, полагаясь на свой профессиональный опыт, интуицию и интеллект, руководитель совершает волевой акт и останавливается на том решении, которое считает максимально подходящим в конкретных обстоятельствах.

Осуществление деятельности в условиях критической ситуации становится порой невозможным как для опытных, так и для начинающих руководителей. Однако есть и те, кто способен активизироваться в непростых условиях труда, принимать точные и результативные решения и выполнять необходимые действия для достижения поставленных целей. Очевидно, что поведенческая реакция управленца напрямую зависит от его психологических особенностей, а потеря ориентации в стрессовой ситуации не говорит об отсутствии необходимых знаний, умений и навыков [3].

Современный управленец руководствуется следующими психологическими детерминантами:

1. Этические принципы. Они являются основой деятельности человека, занимающего руководящую должность. Управленец должен быть честным, внимательным к окружающим, справедливым и с пониманием относиться к подчиненным.

2. Мотивация. Даже принимая рутинное решение, современный руководитель должен оставаться заинтересованным в разработке правильного решения, а сила его заинтересованности должна иметь прямое отношение к мотивации.

3. Ценности и установки. Данные качества лежат в основе главных желаний современного руководства, а также всех его приоритетов.

4. Особенности мышления. Современный руководитель должен характеризоваться хорошо развитым логическим мышлением, творческими способностями и подходами к принятию сложных решений, высокой скоростью мыслительных реакций, пространственным мышлением и иметь необходимый набор умений, знаний и навыков.

5. Деловые качества. Они являются одними из самых значимых составляющих частей образа успешного руководителя. Коммуникабельность руководителя – фундаментальная черта. Самостоятельность, ответственность за все верно и неверно принятые управленческие решения и настойчивость также входят в элементы позитивного образа современного управленца.

6. Личностные особенности. Эти важные качества руководитель должен в себе развивать и тренировать с самого начала профессионального пути. Особенно стоит уделить внимание уверенности в себе и своих действиях, стрессоустойчивости, уровню самооценки и тревожности.

Личностные характеристики руководителя оказывают основное влияние на реализацию и разработку управленческого решения.

По своему характеру решения делятся:

на «инертные»,
рискованные,
уравновешенные,
осторожные,
импульсивные.

Импульсивные решения имеют большое значение для организационной системы, так как помогают генерировать разнообразные идеи в огромном количестве, однако при принятии таких решений часто отсутствует база для того, чтобы все как следует проверить, оценить и уточнить. Результатом осторожного размеренного поиска являются «инертные» решения. Их характеризуют уточняющие и контрольные действия над генерированием различных идей. В таких решениях не бывает новаторства, блеска и оригинальности. Решения с риском обычно принимают без особого обоснования действий управленцы, уверенные в себе и своих поступках.

Персонал организации является объектом внутренней среды, следовательно, воздействие управленческих решений направлено на него. Управленец имеет возможность и полномочия принимать решения, выполняя миссию компании. Вместе с тем любая компания открыта для воздействия внешней среды. Это значит, что руководитель, представляющий предприятие в указанной выше среде, обязан чувствовать себя в окружении равных ему людей уверенно и уметь активно реализовывать и разрабатывать управленческие решения [8].

В современном, непрерывно изменяющемся мире перед руководителями как субъектами труда постоянно возникают неотложные задачи. Попадая в такие условия, которые характеризуются острой нехваткой времени, руководитель лишается возможности детально изучить, провести структурный анализ, оценить возможные риски и принять взвешенное решение. На практике большинство решений принимается с учетом ограниченных ресурсов организации и заранее заданных параметров, как субъективных, так и объективных. Субъективные ограничения зависят от производимого продукта, специфики ресурсов и спроса, предложения на рынке. Объективными являются ограничения, которые определяются известными законами теории управления и организацией труда, бюджетом и российским законодательством. Управленческий потенциал руководителя как субъекта труда предполагает умение выбирать наиболее оптимальную из ряда альтернатив; стремление к самореализации и достижению авторитета у коллег-руководителей и подчиненных; признание его как эффективного управленца в своей профессиональной среде; наращивание социальной значимости и востребованности (приобретения звания эксперта в своей области); достижение психологического комфорта.

Таким образом, современный руководитель как субъект труда, максимально использующий свой творческий, интеллектуальный и личностный потенциалы, способен в своей профессиональной деятельности самореализоваться, принимать грамотные управленческие решения и работать качественно, эффективно и результативно.

Библиографический список

1. Бороздина Л.В. Новая концепция личности и характера на основе теории деятельности А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 2. С. 11–25.
2. Деркачева Л.В. Психологические аспекты принятия управленческих решений в напряженных ситуациях // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 22. С. 274–282.
3. Журко В.И., Левина Е.В. Социальные технологии разработки и принятия управленческих решений: монография. М.: ИМСГС, 2015. 125 с.
4. Ковтунович М.Г., Левина Е.В. О новом подходе к классификации управленческих решений // Вестник Академии права и управления. 2016. № 44. С. 159–162.
5. Корытченкова Н.И., Кувшинова Т.И. Психология и педагогика профессиональной деятельности: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. 171 с.
6. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения. М.: Дело, 2008. 440 с.
7. Ефремов Е.Г., Новиков Ю.Т. Основы психологии труда и профессиональной психологии: учебное пособие. Омск: ОмГУ, 2010. 351 с.
8. Симонова М.М. Психологические аспекты принятия управленческих решений // Научный вестник МГИИТ. 2011. № 3. С. 78–82.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGIST: OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF WORK WITH PERSONNEL

F.V. Pokhilyuk, S.I. Filippchenkova

Tver State Technical University, Tver

The article reveals the specifics of the professional activity of an organizational psychologist on the issues of his work with the personnel of the organization. The basic principles of the work of the organizational psychologist-consultant at the enterprise, the features of his interaction with the team and management are analyzed. The goals and objectives arising in the course of his work are substantiated, and the objects of the psychologist's activity are listed. The main difficulties arising in the interpersonal interaction of the organizational psychologist with the head and employees of the organization are analyzed.

Keywords: management activities, decision-making, professional activities of a leader, ethical principles, managerial potential of a leader.

Об авторах:

Похилюк Фаина Викторовна – ассистент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: fainastroganova2013@yandex.ru

Филиппченкова Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1852-8794; e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Authors information:

Pokhilyuk Faina Viktorovna – Assistant of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: svksveta180@gmail.com

Filippchenkova Svetlana Igorevna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 1852-8794; e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЖАРНЫХ-СПАСАТЕЛЕЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СЛУЖБЫ

Н.Ю. Власенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Власенко Н.Ю., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-64-74

Целью работы было изучение личностного профиля у пожарных-спасателей (в зависимости от стажа профессиональной деятельности). В исследовании участвовали 235 пожарных-спасателей мужского пола в возрасте от 25 до 45 лет, которые были распределены по трем группам (в зависимости от стажа): 1–6, 7–15 и 16–22 года службы. С помощью пятифакторного личностного опросника («Большая пятерка») NEO-PI-RP изучали преобразования личностной структуры пожарных-спасателей на этапах профессиональной адаптации, устойчивого профессионализма и возможных редукций. Обнаружено, что с увеличением срока службы возрастает соответствие личностной структуры профилю профессионально важных качеств с постепенным появлением деструктивных явлений.

Ключевые слова: личностные особенности, профессиональное развитие, пожарные-спасатели, стаж службы.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из системообразующих понятий в психологии труда выступает диада «личность и профессия». Традиционные научные взгляды на субъект-объектные взаимоотношения человека в труде отличаются определенным консерватизмом, делается акцент на психологическом соответствии работника содержанию и сути профессиональной деятельности. С этих позиций в теории и практике психологической науки давно утвердились такие концепты, как профессиограмма, психограмма, профессионально важные качества. Их логичным наполнением служит понятие профессиональной пригодности человека. Оно предполагает жестко детерминированное соответствие индивидуально-психологических и личностных особенностей кандидата на работу требованиям конкретной деятельности, которое необходимо определить еще на этапе профотбора. Это вполне оправдано и закономерно, но содержит в себе элементы ригидности [1; 2].

Современные подходы к формату «личность – профессия» характеризуются гибкостью, признают условным выражение «проф-пригодность». Во-первых, заранее спрогнозировать эффективность и работоспособность сотрудника на основе процедур диагностики профотбора с высокой степенью достоверности затруднительно. Во-вторых, надежных и объективных психологических предикторов будущего качества труда практически не существует. Поэтому целесообразней рассматривать диаду «субъект труда –

объект труда» как систему с гибкими возможностями и ресурсами пластичности. Такой взгляд отражают концепции профессионального становления и развития личности в профессии [3–5].

Человек при освоении профессии и совершенствовании в ней проходит через ряд преобразований. Трансформациям в первую очередь подвергаются социально-личностные характеристики. Индивидуально-психологические и психофизиологические особенности, имеющие генетическую детерминацию, претерпевают определенное развитие при необходимости и востребованности. Такие преобразования на пути профессионального совершенствования могут сочетаться с кризисами, стагнацией и даже деформацией личности.

Особый интерес для психологии труда представляет человек, занятый в опасных и экстремальных профессиях [6–10]. Такой профессией является профессия пожарного-спасателя. Труд по этой специальности сопряжен с преодолением стихии, риском ущерба здоровья и даже смерти (как своей, так и потерпевших людей). В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О специальной оценке условий труда» в режиме ликвидации чрезвычайных ситуаций труд пожарных-спасателей классифицируется как вредный (тяжелый), труд второй степени (3.2 класс условий труда) и напряженный опасный (экстремальный), соответствующий третьей степени третьего класса или четвертому классу (3.3-4) [11].

На базе Центра экстренной психологической помощи МЧС РФ разработаны методологические подходы к профессиональному отбору кандидатов на должность пожарного-спасателя [12; 13]. Специалистами психологической службы региональных подразделений используется стандартный набор методик, содержащий когнитивный, эмоционально-личностный, мотивационно-волевой блоки диагностики. Во время ежегодного мониторинга оценивается функциональное состояние бойцов пожарных частей, а именно развитие негативных психологических явлений. При этом преобразования социально-личностных и индивидуально-психологических особенностей в условиях экстремальной профессиональной деятельности и динамика этих трансформаций не исследуются [14; 15].

Целью статьи стало исследование последовательного изменения личностной структуры пожарных-спасателей на этапах профессиональной адаптации, устойчивого профессионализма и возможных редукций.

Гипотезой послужило предположение, что у пожарных-спасателей с увеличением срока службы возрастает соответствие личностной структуры профилю профессионально важных качеств с постепенным появлением деструктивных явлений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование выполнено в пожарных частях № 2–4 Федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС по Тверской области. В обследовании приняли участие 235 пожарных-спасателей мужского пола в возрасте от 25 до 45 лет со стажем службы от 1 до 22 лет.

Все обследуемые были распределены по трем группам (в зависимости от стажа службы). Первая группа была представлена пожарными-спасателями со

стажем от 1 до 6 лет в возрасте 24–30 лет ($n = 80$). Этот период соответствует адаптации и овладению профессией. Во вторую группу поместили пожарных-спасателей со стажем службы 7–15 лет в возрасте 31–38 лет ($n = 69$). Данная категория характеризуется сформированным профессионализмом, обеспечивающим максимальную эффективность, устойчивость и надежность в работе. Третья группа была представлена пожарными-спасателями со стажем службы 16–22 лет в возрасте 39–45 лет ($n = 86$). На этом стаже службы возможны профессиональное выгорание и деструкции, могут проявляться дезадаптивные процессы, связанные с истощением ресурсов организма и возрастными изменениями [16]. Режим службы пожарных составлял цикл из одних рабочих и трех суток отдыха. Обследование проводилось в начале смены с 8:30 до 10:00 часов утра.

Структуру личностных особенностей изучали с помощью пятифакторного личностного опросника («Большая пятерка») NEO-PI-RP Р. Мак-Крея, П. Косты в русской модификации А.Г. Шмелева [17]. В настоящее время именно пятифакторная модель принимается в качестве доминирующей большинством исследователей во всем мире. В результате пятидесятилетней работы психологов разных стран (Г. Олпорта, Д. Гилфорда, Р. Кеттелла, Г. Айзенка и др.) были выявлены пять фундаментальных генеральных личностных факторов: экстраверсия – интроверсия; привязанность (добросердечность) – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональность – эмоциональная сдержанность; экспрессивность – практичность. Каждый из них в качестве уточняющих содержит в свою очередь пять первичных компонентов. Опросник содержит 75 вопросов с соответствующими вариантами ответов. Результаты первичных компонентов оцениваются по пятнадцатибалльной шкале. При этом выделяются следующие интервалы показателей: от 1 до 5 – низкий уровень; от 6 до 10 – средний; от 11 до 15 – высокий. Значения генеральных факторов складываются как сумма внутренних пяти с возможными вариантами: 15–40 баллов – низкий уровень; 41–50 – средний; 51 – 75 – высокий.

При математической обработке данных с помощью программы SPSS версии 22.0 (IBM) использовали дескриптивный анализ с расчетом среднего арифметического и стандартной ошибки среднего (в тексте $M \pm m$). Проверка распределения вариационных рядов на нормальность с использованием критерия Колмогорова – Смирнова показала ее отсутствие. В силу этого межгрупповые различия изучали с помощью сравнительного анализа с применением непараметрического критерия Краскела – Уоллиса с последующими апостериорными попарными сравнениями при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни для независимых выборок с учетом поправки Бонферрони [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первым генеральным фактором является континуум «экстраверсия – интроверсия». Как известно, личностные особенности, определяемые в рамках этого фактора, имеют психофизиологическую природу. Они детерминированы нейродинамическими параметрами центральной нервной системы. Психосоциальная реализация этих качеств определяется направленностью вовне или на себя. При этом внешние факторы, в том числе экстремальные

профессиональные условия, могут вносить свой вклад в снижение уровня коммуникативной активности. В первой группе (начальный этап профессионализации) среднегрупповой показатель этого генерального фактора оказался в зоне высоких значений – $54,5 \pm 2,1$ балла (51–75 баллов). Во второй (этап профессиональной стабилизации) и третьей (этап возможных профессиональных редукций) группах – $50,3 \pm 1,1^*$ и $47,7 \pm 1,5^*$ балла соответственно, что совпадает с диапазоном средних показателей, а именно 41–50 баллов (сравнительный анализ показал достоверные отличия, что отмечено знаком «*», при $p < 0,05$). Следовательно, большинство испытуемых первой группы демонстрируют экстравертивные, второй и третьей – амбивертные свойства. Внутренняя структура фактора («экстраверсия – интроверсия») представлена следующими компонентами: активностью, доминированием, общительностью, поиском впечатлений, демонстративностью (рис. 1).

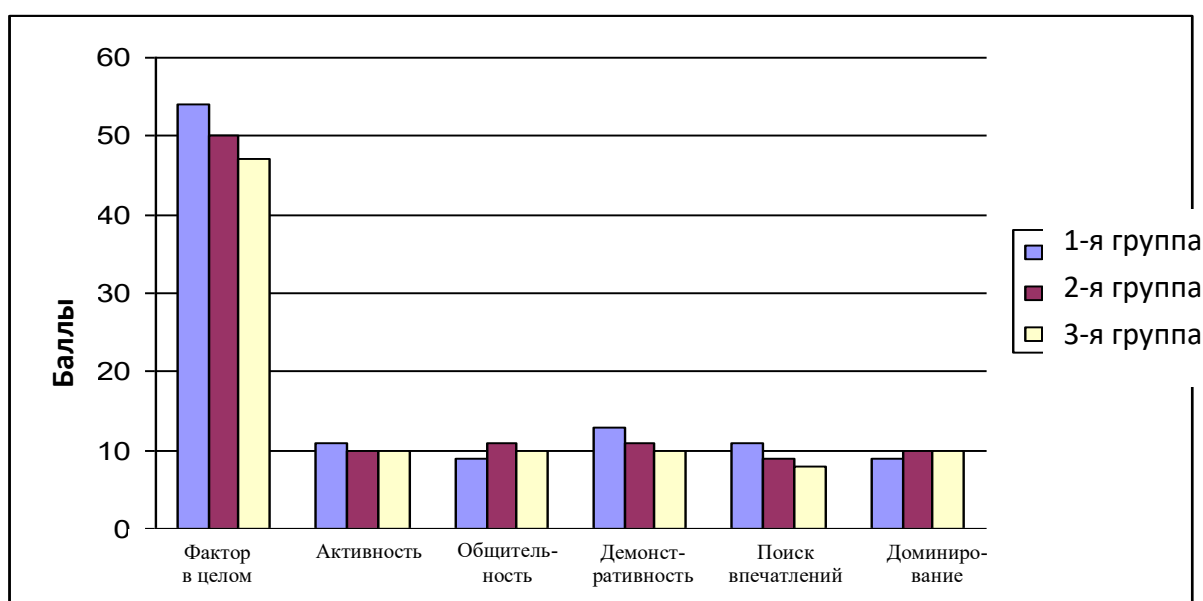

Рис. 1. Среднегрупповые показатели уровней шкал генерального фактора «Экстраверсия – интроверсия»

Обращает на себя внимание постепенное снижение – переход с высокого уровня (11–15 баллов) на средний групповых показателей (5–10 баллов) по шкалам активности ($11,9 \pm 0,24$; $10,5 \pm 0,2$; $10,7 \pm 0,3$ балла), демонстративности ($11,6 \pm 0,4$; $10,8 \pm 0,4$; $8,4 \pm 0,2^*$ балла) и поиска впечатлений ($11,5 \pm 0,3^*$; $9,6 \pm 0,2$; $8,7 \pm 0,3$ баллов) при переключении с первой на третью группу. При этом динамика внутри последнего фактора («Доминирование») показывает противоположную картину, т. е. постепенное незначимое возрастание показателей ($9,6 \pm 0,4$; $10,5 \pm 0,3$ и $10,8 \pm 0,2$ балла).

Уровень внутривидового фактора «Общительность» находится в зоне средних значений у первой и третьей группы, а у второй – высоких ($9,7 \pm 0,3$; $11,3 \pm 0,3^*$; $10,7 \pm 0,4$ балла).

Все это свидетельствует об определенных тенденциях в изменении психосоциальных паттернов у пожарных-спасателей с увеличением срока службы: первоначальная излишняя активность сменяется умеренными и экономными моделями, а рискованность и демонстративность – рациональными формами поведения.

Анализ результатов по второму генеральному фактору («Привязанность – обособленность», в другой редакции – «Добросердечность – обособленность») показал, что среднегрупповые значения трех групп находятся в зоне высоких значений ($66,4 \pm 0,3^*$; $60,2 \pm 0,5^*$ и $57,7 \pm 0,4^*$ балла). При этом увеличение стажа приводит к снижению добросердечности и возрастанию обособленности. Компонентная структура этого фактора раскрывает его особенности: теплоту, сотрудничество, доверчивость, понимание, уважение других (рис. 2).

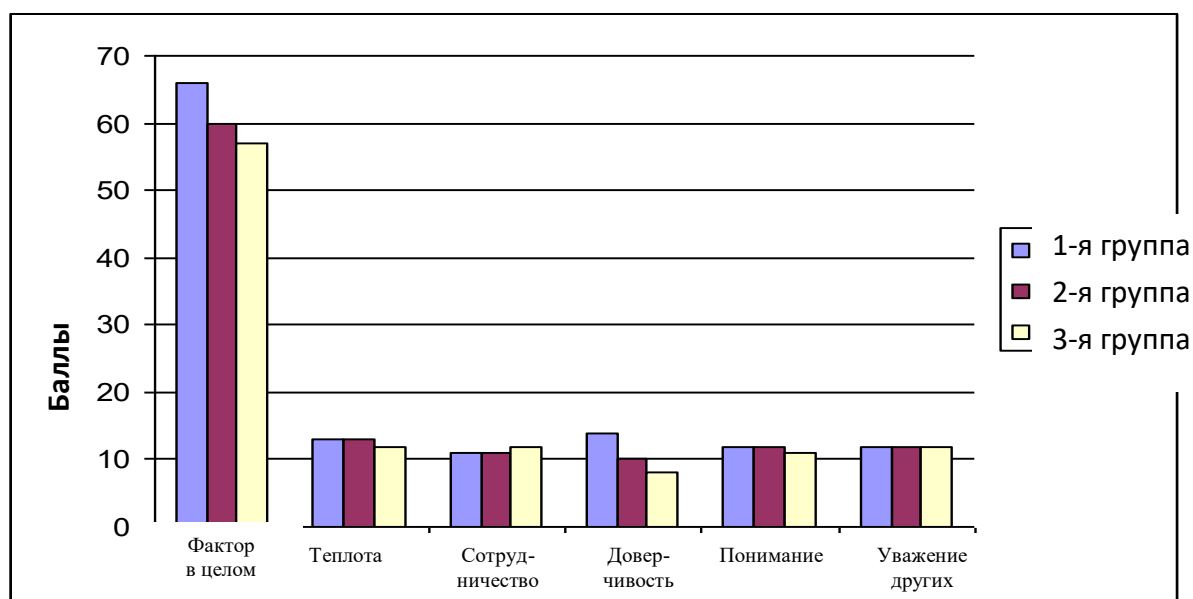

Рис. 2. Среднегрупповые показатели уровней шкал генерального фактора «Привязанность (добросердечность) – обособленность»

Как и в предыдущем генеральном факторе, для большинства компонентов характерна тенденция уменьшения по мере увеличения стажа службы. Это относится к теплоте в отношениях ($13,5 \pm 0,3$; $12,7 \pm 0,2$ и $12,5 \pm 0,5$ балла), доверчивости ($14,2 \pm 0,3^*$; $10,7 \pm 0,2$ и $8,6 \pm 0,4$ балла) и пониманию других ($12,5 \pm 0,3$; $11,7 \pm 0,4$ и $11,6 \pm 0,2$ балла). Причем групповые значения перечисленных шкал находятся в зоне высоких значений, однако уровень доверчивости у лиц с самым большим стажем опускается в зону средних значений, что означает нарастание скептицизма в отношениях с другими людьми. Для двух прочих факторов (сотрудничества и уважения других) наблюдаются другие тенденции. Уровень первого ($11,3 \pm 0,3$ баллов), который достаточно высок у лиц со стажем 0–6 лет, постепенно повышается к концу службы (у группы со стажем 16 и более лет – $12,7 \pm 0,4$ балла). Высокий уровень уважения других во всех группах не претерпевает изменений ($12,4 \pm 0,4$; $12,6 \pm 0,3$ и $12,5 \pm 0,2$ балла).

Третий генеральный фактор («Волевой контроль – импульсивность») выглядит следующим образом: самоконтроль – одна из важнейших личностных характеристик людей, работающих в экстремальных условиях в ситуации риска

жизни; среднегрупповые значения у всех групп составили $64,5 \pm 0,7$; $61,3 \pm 0,3$ и $59,5 \pm 0,3$ балла, что соответствует диапазону высоких показателей (испытуемые лица обладают достаточно развитым самоконтролем; отражают этот факт их устойчивость в проявлении эмоций и сдержанность). При этом, как и в предыдущих случаях, наблюдается снижение самоконтроля с увеличением стажа службы. Вероятно, длительность работы формирует высокий уровень профессиональных навыков и доводит их до автоматизма и мастерства. Это становится причиной небольшого уменьшения самоконтроля, но не означает снижение бдительности. Внутренняя структура названного выше фактора представлена следующими компонентами: аккуратностью, настойчивостью, ответственностью, самоконтролем и предусмотрительностью (рис. 3). Их среднегрупповые значения во всех группах не выходят за пределы высоких показателей (за небольшим исключением).

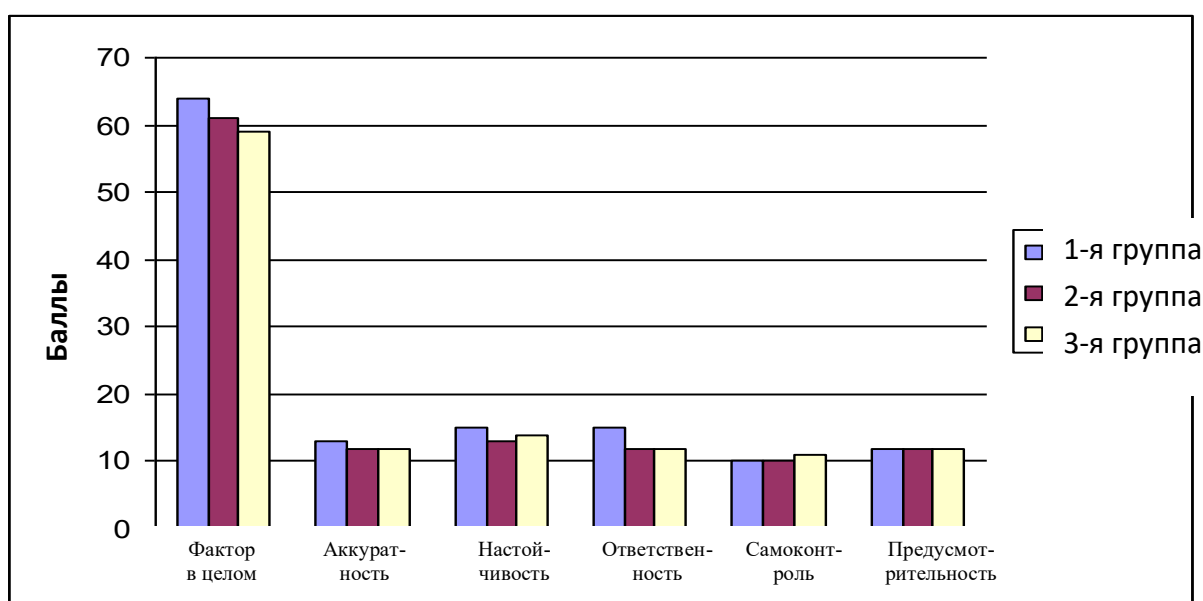

Рис. 3. Среднегрупповые показатели уровней шкал генерального фактора «Самоконтроль – импульсивность»

Нами обнаружена тенденция уменьшения ряда важнейших качеств, находящихся на высоком уровне в первой группе и снижающихся у второй и третьей групп: аккуратности ($13,7 \pm 0,4$; $12,7 \pm 0,4$ и $12,8 \pm 0,3$ балла) и ответственности ($15,7 \pm 0,4^*$; $12,5 \pm 0,2$ и $12,6 \pm 0,3$ балла). Выявлен также рост самоконтроля (со среднего уровня до высокого) с увеличением стажа службы ($10,4 \pm 0,3$; $11,5 \pm 0,3$ и $11,9 \pm 0,3$ балла). По предусмотрительности не обнаружены динамические изменения ($12,3 \pm 0,3$; $12,2 \pm 0,6$ и $12,3 \pm 0,2$ балла), а по настойчивости – небольшое уменьшение от первой группы ко второй с дальнейшим увеличением к третьей ($15,4 \pm 0,3$; $13,6 \pm 0,5$ и $14,6 \pm 0,3$ баллов).

Таким образом, важнейшие личностные характеристики, определяющие социальную и личностную зрелость (самоконтроль и ответственность), у пожарных-спасателей уже в начале службы сформированы на высоком уровне. При этом переход от этапа начала профессионализации к профессиональной стабилизации, а потом к этапу появления возможных деструкции выявил снижение в целом уровня генерального фактора «Самоконтроль» и ответственности как внутрисистемного компонента, что является негативным трендом, формирующимся, возможно, под воздействием профессионального выгорания.

Четвертый генеральный фактор («Эмоциональность – эмоциональная сдержанность») отражает психическое состояние личности и включает в себя компоненты: тревожность, напряженность, депрессивность, самокритику, эмоциональную лабильность. Это важнейший фактор в личностной структуре пожарных. Их профессиограмма предполагает в качестве профессионально важных качеств психическую и эмоциональную устойчивость, отсутствие тревожности и напряженности. По результатам исследования в трех группах значение генерального фактора составило:

- 1) $28,5 \pm 0,4$;
- 2) $34,7 \pm 0,3$;
- 3) $39,4 \pm 0,2$ балла.

Диапазон низких величин: 15–40 баллов.

При этом было обнаружено постепенное нарастание эмоциональной несдержанности от начала к концу службы (рис. 4).

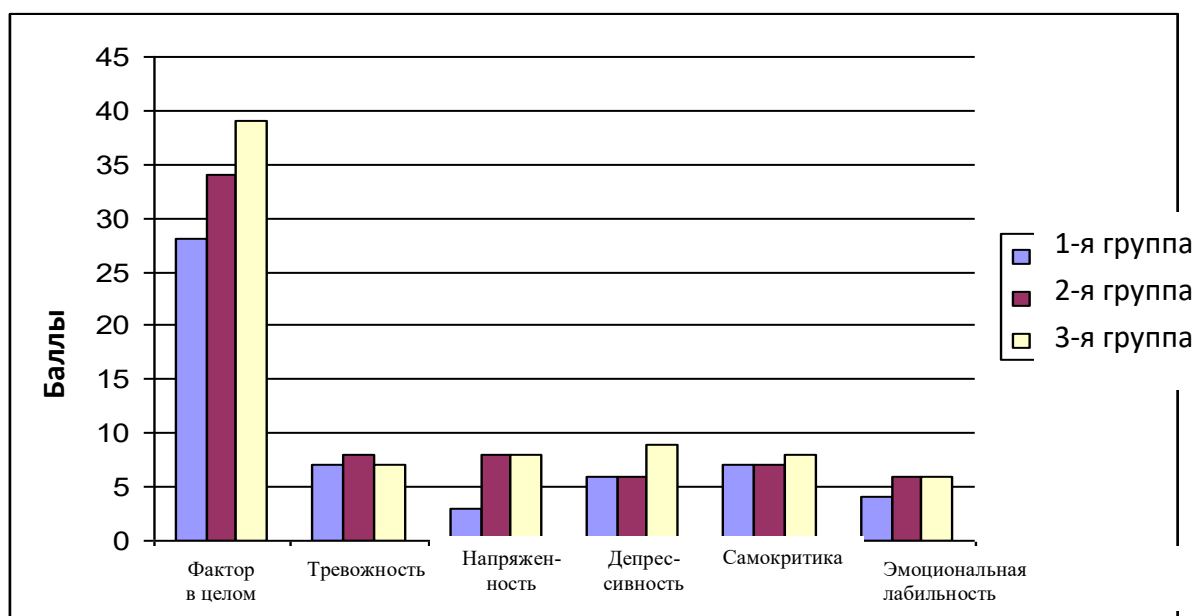

Рис. 4. Среднегрупповые показатели уровней шкал генерального фактора «Эмоциональная сдержанность – эмоциональная несдержанность»

Значения внутривидовых компонентов всех групп находятся на низком (1–5 баллов) и среднем уровнях, не выходят в зону высоких. При этом тревожность немного увеличивается по мере возрастания срока работы от первой группы ко второй, затем снижается ($7,9 \pm 0,3$; $8,4 \pm 0,3$ и $7,8 \pm 0,3$ балла).

Демонстрируют уверенный рост по мере увеличения стажа следующие показатели:

напряженность ($39,7 \pm 0,3^*$; $89,4 \pm 0,4$ и $89,8 \pm 0,2$ балла);
депрессивность ($6,9 \pm 0,4$; $6,2 \pm 0,3$ и $9,7 \pm 0,4^*$ балла);
эмоциональная лабильность ($4,5 \pm 0,2^*$; $6,8 \pm 0,3$ и $6,7 \pm 0,3$ балла).

Причем напряженность с низких значений в первой группе резко поднимается до средних во второй и третьей группах. Все эти явления свидетельствуют о негативном влиянии труда в экстремальных условиях. Позитивным в данном генеральном факторе является увеличение уровня самокритики, что подразумевает рост рефлексии как важнейшего фактора самоконтроля.

Таким образом, достоверные сдвиги самого генерального фактора в трех шкалах из пяти дают возможность сделать вывод, что перемещение с одного этапа профессиональной деятельности на другой сопровождается умеренным снижением эмоциональной стабильности, что может минимизировать психическую устойчивость в экстремальных условиях работы в МЧС.

Последний (пятый) генеральный фактор («Экспрессивность – практичность») представлен совокупностью компонентов:

любопытством,
мечтательностью,
артистичностью,
сензитивностью,
пластичностью.

Среднегрупповые значения генерального фактора в группах составили $47,5 \pm 0,3^*$, $42,2 \pm 0,2$ и $42,7 \pm 0,2$ балла, что соответствует зоне средних величин по шкале. При этом проявляется динамика достоверного нарастания практичности со стажем службы. Значения внутренних компонентов располагаются в диапазоне средних, при этом некоторые из них – высоких (рис. 5).

Претерпевают снижение уровня от первого к третьему этапу службы такие особенности:

артистичность ($11,2 \pm 0,3$; $10,8 \pm 0,2$ и $10,4 \pm 0,3$ балла);
любопытство ($11,3 \pm 0,4$; $11,5 \pm 0,2$ и $9,6 \pm 0,3^*$ балла);
сензитивность ($9,7 \pm 0,3$; $9,5 \pm 0,2$ и $7,5 \pm 0,4$ балла).

Первые две меняют значение с высокого на средний. Пластичность ($8,8 \pm 0,2^*$; $10,7 \pm 0,2$ и $9,2 \pm 0,1$ балла) постепенно нарастает и затем снижается, а мечтательность (по 9 баллов) таких тенденций не демонстрирует.

Интересным было обнаружить, что значения самого генерального фактора и его компонентов находятся у подавляющего большинства респондентов на среднем уровне при гипотетическом предположении о низком уровне их развития у данного контингента.

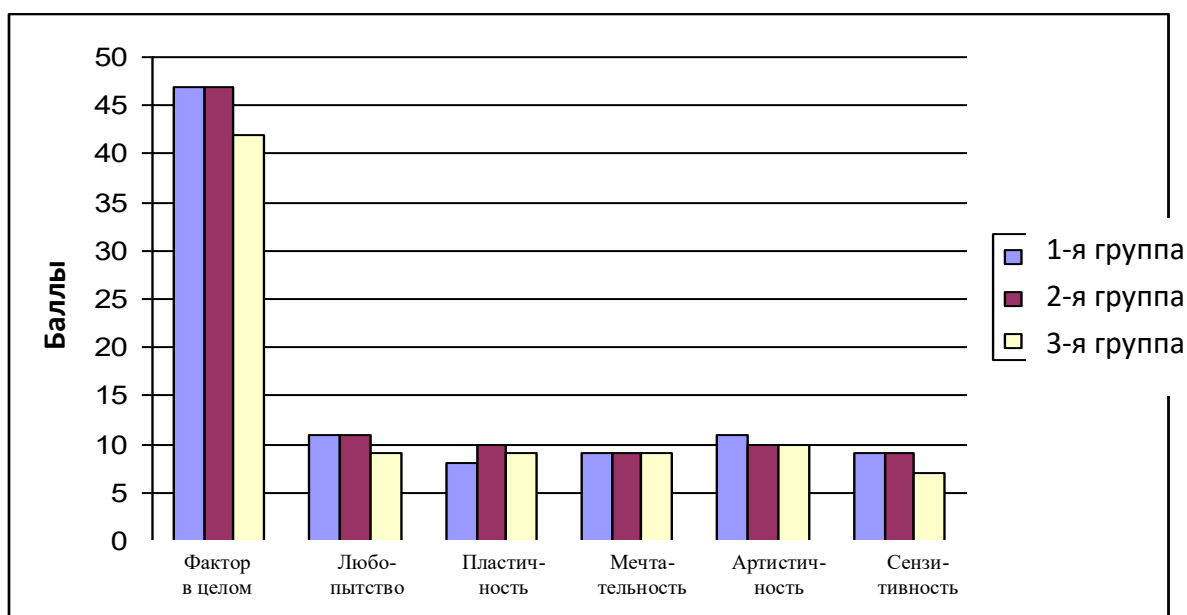

Рис. 5. Среднегрупповые показатели уровней шкал генерального фактора «Экспрессивность – практичность»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, психодиагностическое исследование с использованием пятифакторного личностного опросника NEO-PI-R позволило прийти к некоторым выводам. Обнаружено, что по ряду личностных и индивидуально-психологических характеристик, образующих структуру профессионально-важных качеств пожарного-спасателя при переходе с этапа начальной профессионализации на этап профессиональной стабилизации, а затем на этап возможных профессиональных редукций, происходит достоверный сдвиг в сторону уверенного формирования личностного профиля сотрудника ФПС МЧС. При этом выявляется и нарастание деструктивных тенденций.

Выявлены определенные изменения психосоциальных паттернов у пожарных-спасателей с увеличением срока службы: первоначальная излишняя активность меняется на умеренные и экономные модели, а рискованность и демонстративность – на рациональные формы поведения. Экстремальная профессия влияет на уменьшение доверчивости и теплоты в социальных отношениях, при этом формирует рост сотрудничества в команде (карауле).

Обнаружено, что важнейшие личностные характеристики, обуславливающие социальную и личностную зрелость, а именно самоконтроль и ответственность, у пожарных-спасателей уже в начале службы сформированы на высоком уровне. При этом переход от этапа начала профессионализации к профессиональной стабилизации, а потом этапу возникновения возможных деструкций показал, что самоконтроль и ответственность, не выходящей за рамки высоких значений, снижаются (отрицательный тренд, объясняемый формированием профессиональных навыков и доведением их до автоматизма и мастерства). Вероятно, указанный момент выступает причиной небольшого уменьшения самоконтроля, корректирующего поведение, но не означает снижения бдительности. При этом уменьшение ответственности нами

рассматривается как фактор, требующий более глубокого исследования и коррекции. С переходом с одного этапа профессиональной деятельности на другой происходит достоверное умеренное снижение эмоциональной стабильности, что приводит к минимизации психической устойчивости в экстремальных условиях работы в МЧС.

Библиографический список

1. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1983. 326 с.
2. Климов Е.А. Психология профессионала. М. – Воронеж: Институт практической психологии; МО-ДЭК, 1996. 400 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М. – Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2003. 336 с.
4. Бодров В.А. Диагностика и прогнозирование профессиональной мотивации в процессе психологического отбора // Психологический журнал. 2003. Т. 1. № 1. С. 77–82.
5. Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / под ред. В.А. Бодрова. М.: Институт психологии РАН, 2004. 390 с.
6. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: СГСЭУ, 2013. 322 с.
7. Кочетков М.В. Профессиональные качества специалистов экстремального профиля, обеспечивающие безопасность действий // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2014. № 1 (17). С. 11–16.
8. Дежкина Ю.С. Психологическое изучение структуры профессионально важных качеств сотрудников пожарной охраны // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 5. Педагогические и психологические науки. 2008. № 4. С. 110–113.
9. Осипов А.В. Профессионально-важные качества сотрудников пожарно-спасательных формирований на разных этапах профессионального становления: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Ростов-на-Дону, 2009. 24 с.
10. Семкин Р.С. Отбор кандидатов для службы в ГПС МЧС России // Технологии техносферной безопасности. 2014. № 5 (57). С. 17.
11. О специальной оценке условий труда: Федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения: 10.03.2021).
12. Методическое руководство по профессиональному психологическому отбору в системе МЧС России / М.М. Бобровницкая, О.Ю. Голубева, Т.Н. Коняева, Ю.С. Шойгу. М.: Центр экстренной психологической помощи МЧС России, 2006. 383 с.
13. Методическое руководство по психодиагностическому обеспечению в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: учебное пособие. М., 2011. 44 с.
14. Стрельникова Ю.Ю. Структурно-динамическая модель личностных изменений специалистов профессий экстремального профиля: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03. СПб., 2016. 582 с.
15. Динамика изменений личностного профиля пожарных-спасателей на разных этапах профессионального становления / Н.Ю. Власенко, И.И. Макарова, Е.В. Балакшина, Д.Ф. Бодурова // Символ науки. 2016. № 4 (23). С. 157–158.

16. Климов Е.А. Пути в профессионализм. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. 320 с.
17. Радюк О.М., Басинская И.В., Воронкова Я.Ю. «Большая пятерка» личностных особенностей // II Международный съезд Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии: сборник научных статей. СПб.: СИНЭЛ, 2016. С. 92–104.
18. Гржибовский А.М., Иванов С.В., Горбатова М.А. Сравнение количественных данных трех и более независимых выборок с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и Здравоохранение. 2016. № 4. С. 5–37.

PECULIARITIES OF TRANSFORMATION OF THE PERSONAL STRUCTURE OF FIRE-RESCUEERS AT DIFFERENT STAGES OF SERVICE

N.Y. Vlasenko

Tver State Technical University, Tver

The aim of the work was to study the profile of preferred coping strategies among firefighters-rescuers, depending on the length of service. The survey involved 235 male firefighters-rescuers aged 25 to 45 years, who were divided into three groups depending on the length of service: 1–6, 7–15 and 16–22 years of service. Using the five-factor personality questionnaire («Big Five») NEO-PI-RP, we studied the transformation of the personal structure of firefighters-rescuers at the stages of professional adaptation, sustainable professionalism and possible reductions. It was found: with an increase in the service life, the correspondence of the personality structure to the profile of professionally important qualities increases with the gradual appearance of destructive phenomena.

Keywords: *personality traits, professional development, firefighters-rescuers, service experience.*

Об авторе:

Власенко Наталья Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 7449-8646; e-mail: natalya_vlasenko@mail.ru

Author information:

Vlasenko Natalya Yuryevna – PhD (Biological Sciences), Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 7449-8646; e-mail: natalya_vlasenko@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 311.216

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЗИНГА В РОССИИ КАК ФИНАНСОВОГО ИНСТРУМЕНТА КРЕДИТОВАНИЯ

Л.В. Азарова

© Азарова Л.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-75-79

В статье исследуются финансовые инструменты, имеющие наибольшее применение в России, – кредит и лизинг. Проведен анализ и дана краткая характеристика их преимуществ и недостатков. Обоснована проблема разработки единой информационно-поисковой справочной системы и пользовательского интерфейса для потребителей лизинговых услуг. Сформулированы рекомендации по совершенствованию механизма управления лизинговыми операциями.

Ключевые слова: лизинг, кредит, договор, лизингополучатель, лизингодатель, заемщик, информационные технологии, интерфейс, программное обеспечение.

Рыночная экономика предоставляет множество способов решения вопроса по привлечению дополнительных источников финансирования предприятия. Поэтому хозяйствующие субъекты, наряду с традиционными формами привлечения инвестиций (кредит и займы), могут применять и другие финансовые инструменты с учетом потребностей и целей дополнительного финансирования. В случае модернизации или расширения производства таким источником успешно выступает лизинг как одна из самостоятельных форм кредитования [2].

Лизинг считается выгодной финансовой сделкой в современных условиях по ряду причин, экономия денег не является доминирующей. В поисках потенциальных инвесторов компании вынуждены обращаться к банкам за получением кредита. При этом кредиты и займы являются тяжелым обременением для любой организации из-за их относительно высоких издержек. Поэтому лизинг стал привлекательной альтернативой. Его объемы увеличиваются стремительными темпами на российском финансовом рынке.

При сравнительном анализе двух финансовых инструментов (лизинга и кредитов) необходимо отметить явные преимущества первого по многим критериям. Однако в РФ нормативная база по организации лизинга представлена небольшим количеством законодательных документов, регулирующих проведение лизинговых сделок, а также организацию расчетов лизинговых платежей, бухгалтерского (финансового) и налогового учета [1]. Отметим, что организация и учет кредитов банка имеют обширную законодательную базу на всех уровнях регулирования такой деятельности по различным аспектам.

Отличия видны уже на стадии оформления договора. При заключении сделки по лизингу, в отличие от заключения кредитного договора, необходимо оформить минимальное количество бумаг. Для кредитного договора требуется

собрать пакет документов и представить экономическое обоснование окупаемости запрашиваемых средств. При этом следует учитывать, что кредитная история лизингополучателя, в отличие от заемщика кредита, при составлении договора не принимается во внимание.

Кроме того, при подготовке сделки лизинга не нужен ни договор залога, ни договор страхования, обязательный при получении кредита или займа. Такие предпосылки не только способствуют снижению стоимости самой услуги, но и устраняют дополнительные платежи, присущие кредитам [4]. Но необходимо отметить возникновение дополнительных издержек, связанных с ведением лизинговых договоров традиционным бумажным способом, а также отсутствие необходимых стандартов для обработки поступающей информации. Лизинговый договор отличается от банковского, кредитного в большинстве случаев сроком действия договора финансовой аренды (отдельные лизинговые сделки заключаются на срок более 10 лет) [8]. Поэтому может возникнуть проблема исполнения договорных обязательств со стороны лизингополучателя перед лизингодателем в виде просрочки уплаты по лизинговому платежу и, как следствие, нарушения условий эксплуатации объекта лизингового договора. Такая ситуация может появиться, если срок аренды имущества меньше его амортизационного срока службы.

Следующим принципиальным отличием лизинга является наличие предусмотренных Налоговым кодексом РФ льгот на приобретение имущества, отсутствующих при получении кредита или займа банка. Кроме того, вышеназванным законодательным документом в отдельных случаях предусмотрены льготы по налогу на имущество, а также возможность использования отложенного платежа по налогу на добавленную стоимость (НДС) [3].

Другое отличие касается структуры платежей. Кредит предусматривает систему аннуитетных платежей, состоящую из суммы долга и начисленных процентов по кредитному остатку долга, тогда как при лизинге чаще всего составляется индивидуальный график платежей с фиксированной суммой.

В лизинговые платежи включаются амортизация лизингового имущества за весь срок действия договора лизинга, компенсация платы лизингодателя за использованные им заемные средства, комиссионное вознаграждение, плата за дополнительные услуги лизингодателя, а также стоимость выкупаемого имущества, если договором предусмотрен выкуп и порядок выплат указанной стоимости в виде долей в составе лизинговых платежей. Эти платежи осуществляются в виде отдельных взносов [6].

Еще одно отличие заключается в том, что по кредитам, в отличие от лизинговых платежей, установлены в коммерческих банках достаточно высокие проценты за его пользование.

Одно из немногих преимуществ кредитов, по сравнению с лизингом, заключается в универсальности применяемых информационных технологий. Проблема заключается в том, что у лизингодателей отсутствует единая информационно-поисковая справочная система в виде базы данных, которая способствовала бы сокращению времени на поиски необходимой информации о потенциальных лизингодателях не только на государственном, но и на международном уровне.

Сегодня в России на финансовом рынке успешно функционирует более 100 лизинговых компаний, многие из которых работают в конкретных отраслях экономики и сферах производства [5]. Эти организации используют различные объекты для выполнения многообразных производственных задач. В состав объектов лизинга входят транспортные средства, машины и оборудование для многих отраслей производства, здания и сооружения, а также офисная и компьютерная техника. Перечисленные основные средства относятся к объектам лизинговых сделок и считаются достаточно востребованными у лизингополучателей.

К большому сожалению, найти информацию о наличии нужного основного средства, его технических параметрах для потенциальных клиентов почти не представляется возможным из-за отсутствия доступного пользовательского интерфейса и соответствующего программного обеспечения. Сложившаяся ситуация приводит к затруднениям в поиске оптимального варианта применения объекта лизинга потенциальным лизингополучателем. В этом случае клиент из-за наличия недостаточного объема информации вынужден делать выбор в пользу банковского кредита, чтобы заполучить требуемый для продолжения финансово-хозяйственной деятельности объект основных средств [7]. Поэтому внедрение передовых информационных технологий и создание специализированного программного обеспечения позволили бы решить существующую проблему, в последующем сократить затраты на контроль лизингополучателя за исполнением своих обязательств перед лизингодателем (согласно условиям лизингового договора), а также увеличить привлекательность лизинга (по сравнению с банковскими кредитными продуктами).

Сравнение возможностей лизинга и кредитов наводит на мысль о большей привлекательности и доступности лизинга практически по всем параметрам (за исключением внедрения информационных технологий в сферу лизинговых операций). Представим краткие выводы, сделанные по результатам анализа, в таблице.

Сравнительная оценка преимуществ кредита и лизинга

Критерий	Кредит	Лизинг
Нормативная база	Достаточная	Недостаточная
Оформление договора	Пакет документов с приложением расчета по его окупаемости	Не требует большого количества документов
Срок договора	Краткосрочные (как правило, до 1 года)	Зависит от срока амортизации имущества (как правило, не превышает 7 лет)
Наличие залога	Обязателен	Не обязателен
Страхование	Нет	Обязательно
Кредитная история	Только положительная	Не имеет значения
Наличие льгот	Отсутствуют	Имеются налоговые льготы на приобретение имущества
Платежи	Аннуитетные платежи	График платежей в виде взносов

Окончание таблицы

Критерий	Кредит	Лизинг
Дополнительные платежи	Есть	Нет
Пользовательский интерфейс	Есть	Нет
Единая информационно-поисковая система	Есть	Нет

Итак, можно выделить следующие проблемы российского лизинга, касающиеся внедрения информационных технологий:

1. Отсутствие единой информационной базы данных в сфере лизинга. Ее появление в России помогло бы потенциальным клиентам сократить собственные расходы, которые непосредственно связаны с поиском лизинговой компании, удовлетворяющей возникающие потребности лизингополучателей.

2. Отсутствие широкой географии в деятельности российских лизинговых компаний.

Из анализа существующих проблем на финансовом рынке нами сделан следующий вывод: дефицит информационных технологий в лизинговой сфере приводит к значительному сокращению возможностей лизинговых компаний в поиске возможных клиентов. Нынешняя ситуация в сфере российского лизинга не только препятствует развитию бизнеса, но и тормозит прогресс экономики государства в целом.

С учетом рассмотренных проблем, сдерживающих развитие отечественного лизинга, можно рекомендовать для реализации следующие меры:

1) разработать полноценную нормативно-правовую базу лизинговых операций в России;

2) обеспечить информационную прозрачность деятельности потенциальных лизинговых получателей;

3) усовершенствовать действующую систему налогообложения лизинговых сделок в России;

4) пересмотреть высокие проценты по коммерческим кредитам;

5) разработать и применять доступный пользовательский интерфейс и программное обеспечение для лизинговых операций.

Таким образом, для дальнейшего развития рынка лизинга в России необходимо бизнесу в сотрудничестве с государством создать единую информационную базу, опираясь на зарубежный опыт.

Воплощение в жизнь предложенных рекомендаций позволит лизинговым организациям не только оптимизировать свою деятельность и развить потенциал, но и способствовать улучшению экономической ситуации в стране в целом.

Библиографический список

1. Азарова Л.В., Новожилова А.И. Лизинговые операции в России: МСФО 16 и ФСБУ 25/2018 // Актуальные вопросы теории и практики бухгалтерского учета и

- финансов: материалы II Научно-практической конференции. Тверь: ТвГТУ, 2020. С. 11–15.
2. Казанкина О.А. Лизинг как институциональная финансовая модель предприятий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 133–135.
 3. Льготы по договору лизинга, предусмотренные Налоговым кодексом РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/23440-lgoty-po-dogovoru-lizinga-redusmotrennye-nk-rf> (дата обращения: 11.03.2021).
 4. Методические рекомендации по расчету лизинговых платежей, утв. Минэкономики РФ от 16.04.1996 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 10. Ст. 1108.
 5. Роль цифровизации в развитии лизинга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10915924> (дата обращения: 11.03.2021).
 6. Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды»: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 16.10.2018 № 208н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314504/ (дата обращения: 11.03.2021).
 7. Часовой В.А. Цифровая экономика и перспективы лизингового бизнеса // Обозреватель. 2018. № 1. С. 99–110.
 8. Шевченко Л.М. Трансформация регулирования в области обеспечения устойчивости Российской финансовой системы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3 (72). С. 142–144.

FEATURES OF THE USE OF LEASING IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A FINANCIAL CREDIT INSTRUMENT

L.V. Azarova

Tver State Technical University, Tver

The article explores financial instruments with the greatest use in Russia: credit and leasing. An analysis was made and their advantages and disadvantages were briefly described. Problem of developing a common information and search reference system justified and user interface for leasing service users. Recommendations were made to improve the management of leasing operations.

Keywords: *leasing, credit, financial instruments, leasing operations, lessor, lessee, taxation, Borrower, information technology, interface, software.*

Об авторе:

Азарова Любовь Владимировна – кандидат технических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1356-5572; e-mail: 173alv@rambler.ru

Author information:

Azarova Lyubov Vladimirovna – PhD (Technical Sciences), Associate Professor of the Department of Accounting and Finance of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-код: 1356-5572; e-mail: 173alv@rambler.ru

УДК 339.371.5

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА СЕРВИСА ДОСТАВКИ ЗАКАЗОВ В ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ

А.А. Пирогов, Р.А. Рустиков, Д.В. Розов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Пирогов А.А., Рустиков Р.А., Розов Д.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-80-85

В статье рассматриваются проблемы повышения качества сервисов по доставке интернет-заказов. Описаны функции и особенности сервисов. Разработаны рекомендации, позволяющие повысить уровень удовлетворенности клиентов качеством доставки заказов.

Ключевые слова: логистика, управление качеством, интернет-торговля, контроль доставки, доставочный сервис, качество услуг.

В современном мире наиболее ценным ресурсом является время. Люди стараются максимально его экономить, поэтому некоторые действия постепенно переходят на второй план. К примеру, посещаемость обычных магазинов снизилась, покупатели переключили свое внимание на интернет-торговлю, что подтверждают многочисленные статистические данные [6]. Немалую роль в этом процессе сыграла вынужденная самоизоляция. Онлайн-ритейлеры стали активно разрабатывать варианты, позволяющие привлечь потенциальных покупателей, т. е. внедрять удобные способы доставки, уменьшать цены, добавлять различные акции, увеличивать затраты на рекламу и т. д. [1].

Чтобы сохранить положительную тенденцию (возрастание интереса к интернет-торговле) и привлекательность интернет-услуг, нужно удовлетворять пожеланиям потенциальным покупателей. Приоритетным является завоевание доверия потребителей, а не просто увеличение разовых заказов с доставкой [5].

В данной статье проведен анализ текущего качества сервиса доставки заказов на примере ООО «Интернет Решения». Разработаны рекомендации, позволяющие улучшить качество сервиса (т. е. скорость доставки при одновременном отсутствии повреждений).

Организация «Интернет Решения» (интернет-магазин Ozon) занимается электронной продажей товаров через свой веб-сайт. Выдача товаров производится путем курьерской доставки или через специализированные пункты, которых насчитывается более 4,5 тысяч. Сотрудничество ведется только с организациями и частными предпринимателями, которые занимаются интернет-торговлей [4].

Система управления качеством организации состоит из следующих элементов:

1) отдела взаимодействий с поставщиками – занимается поиском надежных поставщиков и поддерживает с ними тесную взаимосвязь;

2) отдела развития постаматов и пунктов выдачи заказов – занимается открытием новых и поддержкой уже существующих пунктов выдачи и постаматов;

3) отдела логистики – организует доставку товаров клиентам, участвует в разборе претензий по качеству доставки;

4) отдела аналитики доставки – разрабатывает, наблюдает, анализирует и при необходимости изменяет способы доставки;

5) отдела планирования маршрутов – разрабатывает системы планирования маршрутов доставки и решает проблемы, возникающие при их нарушениях;

6) отдела возвратной логистики – разрабатывает и реализует проекты по своевременному возврату грузов;

7) контроля доставки – следит за своевременной сборкой, отправкой и доставкой заказов.

Анализ обращений покупателей и работы вышеперечисленных отделов дает возможность выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются клиенты:

1) трудности при оформлении заказа;

2) нарушение сроков доставки;

3) нестандартные ситуации при получении заказа.

Достигнуть повышения качества сервиса доставки предлагается с помощью следующих способов:

1) обеспечения простоты оформления заказа и доставки;

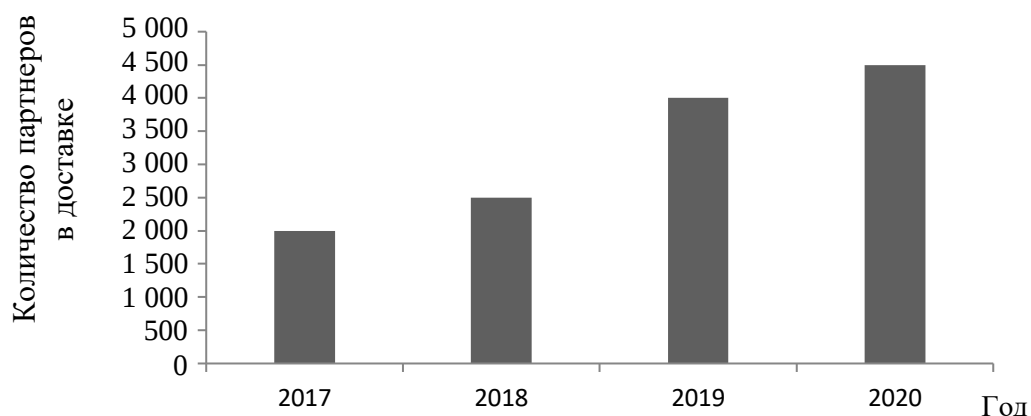
2) усиления контроля качества работы службы доставки;

3) подготовки к нестандартным ситуациям.

Рассмотрим каждый пункт более подробно.

Первый способ. Если процесс оформления заказа и доставки будет сложным, то организация потеряет потенциального покупателя уже на данном этапе. Судя по практике, покупатели прежде всего ориентируются на стоимость заказа, дату доставки и местоположение пункта выдачи. Эти три параметра следует отображать так, чтобы все пользователи смогли разобраться в условиях. Не стоит забывать, что для повышения качества сервиса важно не только четко отобразить условия, но и проявить индивидуальный подход: обеспечить широкий ассортимент товара и разнообразие способов доставки, чтобы каждый смог выбрать для себя наиболее подходящий. Стоит также учесть непредвиденные ситуации и подготовиться к поиску выхода из них. Некоторые покупатели оформляют заказы в подарок другому человеку. Иногда может потребоваться сменить дату доставки или отменить заказ. Обеспечение возможности управления заказом значительно повысит лояльность со стороны покупателей.

Второй способ. В Ozon в связи с необходимостью расширения способов доставки ежегодно увеличивается количество партнеров (рисунок). При этом у каждого партнера имеются собственные требования к персоналу, доставке, упаковке товаров, помещению и т. д. К тому же данные требования не всегда соблюдаются, что приводит к негативным последствиям. Например, товар повреждается при перемещении с одного склада на другой из-за того, что требования к упаковке у разных продавцов отличаются. Даже если удалось заметить несоответствие, придется отправлять товар на переупаковку, из-за чего планируемая дата доставки сдвинется. Данная проблема актуальна не только для интернет-торговли, но и для других сфер торговой деятельности [3]. Следует учесть, что в современных условиях покупатели стали внимательнее относиться к требованиям безопасности. Нехватка антисептика в пункте выдачи партнера или отсутствие маски у сотрудника могут вызвать недовольство покупателей. Все вышеперечисленное играет важную роль и должно учитываться при повышении качества сервиса доставки заказов.

Зависимость количества партнеров доставки Ozon по годам

Полностью автоматизировать схему доставки в данный момент нет возможности, из-за чего могут произойти непредвиденные ситуации, вызванные человеческим фактором. Отметим, что на автоматизированном производстве может возникнуть неожиданная техническая ошибка, которая в дальнейшем не будет замечена и своевременно устранена. Безусловно, многие организации стараются предотвратить ошибки, но, как показала практика, сбои все же происходят. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда организация расширяет ассортимент (добавляет новые виды женской косметики). В ООО «Интернет Решения» ассортимент товаров достаточно велик, и похожие виды косметики существуют во многих экземплярах. В результате технической ошибки оборудования на товар наклеился неправильный штрих-код. В дальнейшем специалист не заметил ошибки, поскольку дизайн упаковки был похож на заказанное средство. При получении клиент обнаружил, что товар отличается от указанного на сайте. Стандартный вариант решения проблемы – возврат товара и повторное оформление. Но для организации это означает дополнительные финансовые и временные затраты, поэтому важно найти другой

выход. Предлагается, что альтернативным вариантом может послужить разработка политики компенсаций (т. е. балльные или денежные компенсации, которые могут начисляться без возврата товара). Экономическая целесообразность данной методики состоит в том, что иногда затраты на возвратную перевозку превышают стоимость товара. Внедрение такой политики не только экономически выгодно, но и позволит повысить доверие со стороны покупателей: клиенты будут уверены, что даже если качество товара не оправдывает ожиданий, компания проявит индивидуальный подход и найдет решение.

При оценке качества сервиса доставки в ООО «Интернет Решения» было выявлено три основные проблемы. Перечислим рекомендации, дающие возможность повысить качество сервиса доставки заказов:

1. Обеспечить простоту оформления заказа и доставки.
 - 1.1. Гарантировать наличие нужного товара или аналогов (широкий ассортимент).
 - 1.2. Добавить разнообразные способы доставки и расширить существующие.
 - 1.3. Предоставлять открытые данные о доставке (дата доставки, адрес пунктов выдачи заказов, стоимость) и дополнительных услугах (при наличии).
 - 1.4. Включить возможность управления заказом (изменить получателя, дату доставки, срок хранения, отменить заказ).
2. Усилить контроль качества работы службы доставки.
 - 2.1. Разработать систему контроля за соблюдением сроков доставки.
 - 2.2. Контролировать соблюдение этики и грамотности сотрудников.
 - 2.3. Контролировать состояние помещений и наличие необходимых вещей (пакетов, масок, антисептика и т. д.).
 - 2.4. Разработать систему контроля состояния груза на всех этапах доставки.
3. Для достижения высокого качества сервиса доставки уметь подстраиваться под потребности покупателей, а также разрабатывать новые способы, превосходящие их желания.

Отметим, что представленные рекомендации не являются разовыми: они носят регулярный характер.

Чтобы обеспечить простоту оформления заказов и доставки, необходимо постоянно актуализировать требования, пожелания и предпочтения покупателей. Стоит сказать, что осуществление полученных требований невозможно без системы оперативной передачи данных от покупателя к продавцу, а также квалифицированного персонала: аналитиков логистики, менеджеров по работе с поставщиками, веб-разработчиков, дизайнеров.

Усилить контроль качества работы службы доставки предлагается за счет квалифицированного логистического персонала. Необходимо разработать систему поощрений и наказаний сотрудников за скорость доставки и состояние посылки. Менеджеры пунктов выдачи должны также внимательно следить за состоянием помещений. А качество работы сотрудников доставки предлагается оценивать с помощью системы обратной связи от покупателей.

При разработке политики компенсаций рекомендуется создать соответствующий отдел и предоставить новым сотрудникам доступ к необходимым данным. Следует также организовать систему оперативной передачи данных между отделами. Это необходимо для уменьшения случаев, когда покупатель злоупотребляет лояльностью компании. Если в процессе доставки произойдет нестандартная ситуация, политика компенсаций поможет снизить негативные впечатления и удержать покупателя [2].

Предполагается, что при соблюдении рекомендаций по обеспечению простоты оформления заказов и доставки уменьшится количество отказов от получения, повысится доверие покупателей за счет открытости данных, удобства получения и уверенности в наличии качественного товара.

При правильном усилении контроля качества работы службы доставки повысится оценка покупателей скорости, состояния посылки и помещений. Соблюдение рекомендаций положительно повлияет на имидж организации.

Таким образом, выполнение предложенных рекомендаций будет содействовать решению следующих важных задач: повышения оценки покупателей за счет простоты оформления заказов и доставки, т. е. качества оказания услуг; сохранения доверия покупателей при возникновении нестандартных ситуаций, что в конечном счете будет способствовать росту прибыли и общей эффективности функционирования предприятия в условиях рыночной конкуренции.

Библиографический список

1. Что хочет потребитель? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retail.ru/articles/chto-khochet-potrebitel/> (дата обращения: 02.02.2021).
2. Как распределить права доступа сотрудников к данным в корпоративной информационной системе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fd.ru/articles/160115-kak-raspredelit-prava-dostupa-sotrudnikov-k-dannym-v-korporativnoy-informatsionnoy-sisteme> (дата обращения: 02.02.2021).
3. Розов Д.В., Воробьева М.В., Мальцева А.С. Управление контролем качества закупок товаров сантехнического назначения на предприятиях оптовой торговли // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 3 (18). С. 95–98.
4. Способы доставки ООО «Интернет Решения» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.ozon.ru/common/dostavka/> (дата обращения: 02.02.2021).
5. 25 способов завоевать доверие клиентов [Электронный ресурс]. URL: <https://kontur.ru/articles/1854> (дата обращения: 02.02.2021).
6. План выпуска публикаций [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/publications-plans> (дата обращения: 02.02.2021).

IMPROVING THE QUALITY OF THE ORDER DELIVERY SERVICE IN ONLINE COMMERCE

A.A. Pirogov, R.A. Rustikov, D.V. Rozov

Tver State Technical University, Tver

This article discusses the problems of improving the quality of services for the delivery of online orders. The functions and features of the services are considered. Recommendations have been developed to increase the level of customer satisfaction with the quality of order delivery.

Keywords: logistics, quality management, e-commerce, delivery control, delivery service, quality of services.

Об авторах:

Пирогов Андрей Алексеевич – магистрант 2-го курса кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: andreano2604@mail.ru

Рустиков Роман Александрович – магистрант 2-го курса кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: romik110897@yandex.ru

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1229-3900; e-mail: rozov23.02@mail.ru

Authors information:

Pirogov Andrey Alekseevich – 2nd year Master's student of the Department of Economics and Production Management of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: andreano2604@mail.ru

Rustikov Roman Aleksandrovich – 2nd year Master's student of the Department of Economics and Production Management of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: romik110897@yandex.ru

Rozov Dmitry Victorovich – PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1229-3900; e-mail: rozov23.02@mail.ru

УДК 316.334:371.274/276

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА В РОССИИ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

М.В. Блохина, Л.Г. Григорьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Блохина М.В., Григорьев Л.Г., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-2-86-91

Статья посвящена исследованию предпосылок введения, социальных последствий, проблем и перспектив дальнейшего развития Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в РФ. Социальные последствия ЕГЭ в РФ анализируются на основе данных экспертного опроса.

Ключевые слова: образование, образовательная политика, образовательная реформа, Единый государственный экзамен, социальные последствия, экспертный опрос.

Введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) стало одной из самых значительных реформ в сфере образования постсоветской России. Эта реформа затронула как общее, так и профессиональное образование, коснулась жизни практически каждой российской семьи, оказала значительное влияние на педагогический процесс, породила серьезные социальные последствия. Неудивительно, что внедрение ЕГЭ и его социальные эффекты неоднократно привлекали внимание социологов и представителей других отраслей социально-гуманитарного знания [4; 5]. Кафедра социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета (ТвГТУ) на протяжении многих лет проводит социологические исследования, посвященные анализу отношения субъектов образовательного процесса к ЕГЭ, выявляет динамику восприятия ЕГЭ в общественном сознании [1–3].

В 2019 г. исполнилось 10 лет с объявления ЕГЭ обязательной формой итоговой аттестации выпускников школ и вступительных испытаний абитуриентов в вузы, а в 2021 г. – 20 лет с начала внедрения ЕГЭ в российскую систему образования (16 февраля 2001 г. вышло Постановление Правительства РФ № 119 «Об организации эксперимента по введению Единого государственного экзамена»). Круглые даты усилили научный интерес к феномену ЕГЭ, стимулировали проведение новых исследований. Специалистами кафедры социологии и социальных технологий ТвГТУ в декабре 2019 – январе 2020 г. был организован и проведен экспертный опрос, посвященный социальным последствиям внедрения ЕГЭ. Всего было опрошено 10 экспертов (в их число вошли председатели и члены региональных экзаменационных предметных комиссий Тверской области по проведению ЕГЭ, опытные учителя и вузовские преподаватели, представители администрации школ и органов управления образованием). В рамках исследования необходимо было выяснить, достигнуты ли, по мнению экспертов, цели введения ЕГЭ, о которых говорили двадцать лет

назад инициаторы реформы. Во время острых дискуссий начала 2000-х гг., связанных с внедрением ЕГЭ в российскую систему образования, его сторонники в качестве основных целей готовящейся реформы провозглашали искоренение коррупции, распространенной в традиционной системе поступления в вузы; повышение объективности оценки знаний выпускников средней школы; уменьшение объема учебной и психологической нагрузки на вчерашних школьников, поступающих в вузы; рост доступности высшего образования в РФ. В какой мере названные цели достигнуты в настоящее время? Этот вопрос стал темой для обсуждения с участниками экспертного опроса.

В процессе экспертного интервью участникам предлагалось ответить на вопрос о том, как повлияло введение ЕГЭ на масштабы коррупции в вузах. Подавляющее большинство экспертов уверены, что внедрение ЕГЭ позволило искоренить коррупцию, имевшую место при поступлении выпускников средних школ в вузы. Преимущество ЕГЭ заключается в том, что вузы практически отстранены от его проведения. Как выразился один из респондентов: «Вузовские преподаватели не имеют никакого отношения к вступительным экзаменам». В то же время один из информантов полагает, что коррупционная составляющая не исчезла, а перешла в пункты проведения экзамена и региональные центры обработки информации.

Еще одной задачей, решить которую был призван ЕГЭ, провозглашалось повышение объективности оценивания знаний выпускников средней школы на этапе итоговой аттестации и вступительных испытаний в вуз. Как выяснилось, половина экспертов считает, что данная задача решена лишь частично, потому что с помощью существующих контрольно-измерительных материалов объективно оценить знания учащихся достаточно сложно: тестовая часть не обеспечивает точной оценки знаний. Лишь пятая часть экспертов считает, что ЕГЭ обеспечивает полную объективность проверки, так как «все работы анонимно проверяются компьютером». Следует отметить, что традиционные выпускные экзамены в школе на протяжении многих лет критиковали за то, что их принимают те же самые учителя, «которые учили 10 лет этих школьников, у которых сложилось определенное субъективное отношение к ним, ... они и без проведения экзамена знали, какую оценку нужно поставить». Многие эксперты отмечали, что в любом случае «ЕГЭ – более объективная форма проверки знаний, чем традиционная». Несколько экспертов считают, что субъективный фактор все равно присутствует при сдаче ЕГЭ, когда «эксперт просматривает развернутое решение, ведь у каждого эксперта свое представление о том, как должна быть решена задача». Очень показательно суждение одного из респондентов: «Человека максимально убрали и унифицировали действия эксперта, но об абсолютной объективности говорить нельзя».

В ходе исследования необходимо было также выяснить, воплотилось ли в жизнь также широко обсуждаемое в свое время такое преимущество ЕГЭ над системой традиционных экзаменов, как снижение нагрузки на выпускников средней школы, которым раньше нужно было отдельно сдавать выпускные и вступительные экзамены. Мнения специалистов по этому вопросу разделились. Половина экспертов считает, что уменьшения нагрузки на учеников не

произошло (напротив, она возросла). Поскольку задания ежегодно усложняются, самостоятельно подготовиться к ЕГЭ могут далеко не все учащиеся, поэтому многие ученики, помимо школьных занятий, посещают еще дополнительные курсы, занятия с репетиторами, что неизбежно приводит к переутомлению. Возросла также ответственность одиннадцатиклассников за неудачно сданный ЕГЭ, так как процедура пересдачи сложна и длительна по времени. В то же время несколько экспертов считают, что задача снижения нагрузки на выпускников школы была решена не в полной мере, так как «этот экзамен хоть и один, но усилий на подготовку требует больше». Только пятая часть участников исследовательского проекта уверена, что нагрузка на учащихся с введением ЕГЭ действительно уменьшилась.

Главными целями перехода к ЕГЭ объявлялись повышение доступности высшего образования, увеличение шансов поступить в столичные вузы для абитуриентов из отдаленных регионов РФ и сельской местности. Можно ли считать, что за 10 лет проведения ЕГЭ эта цель достигнута? Почему? Все это предлагалось обсудить экспертам. Три четверти заявило, что введение ЕГЭ способствовало усилению доступности высшего образования: «Теперь у выпускников школ из провинции появилась возможность наравне со всеми поступать в столичные вузы». Важную роль сыграло право абитуриентов подавать документы не только лично (посетив приемную комиссию), но с помощью Почты России, интернета (через личный кабинет на сайте вуза).

Несколько экспертов обратили внимание на то, что введение ЕГЭ вызвало ряд негативных эффектов: уехавшие из регионов на учебу в столицы выпускники зачастую не возвращаются обратно, что приводит к деградации провинции; большой приток абитуриентов в столичные вузы порождает нехватку мест в общежитиях, а съем квартиры требует больших финансовых затрат.

Главное место в интервьюировании занимало обсуждение социальных аспектов введения ЕГЭ и его последствий. В рамках исследовательского проекта экспертам был предложен вопрос по поводу такой функции ЕГЭ, как социальный лифт, в следующей форме: «ЕГЭ иногда называют «социальным лифтом», указывая на то, что система ЕГЭ позволяет школьникам из малообеспеченных семей и (или) из провинции поступить в лучшие вузы, получить качественное высшее образование и в дальнейшем сделать карьеру. Согласны ли вы с таким утверждением? Почему?». Исследование показало, что большинство экспертов согласно с подобными оценками, правда, с некоторыми оговорками, например «все равно материальное положение семьи влияет»; «если семья малообеспеченная и нет возможности нанять дополнительного репетитора, приобрести дорогие учебники, то уже неважно, ЕГЭ или обычный экзамен, это все равно тормоз». По мнению участников опроса, ЕГЭ обладает признаками социального лифта. В то же время, как выразился один из экспертов, «существует много факторов, влияющих на возможности повысить свой социальный статус; ЕГЭ не является определяющим, все очень индивидуально...».

Особый интерес представляют ответы экспертов на вопрос «как Вы можете оценить влияние на успешность сдачи ЕГЭ выпускником школы социальных факторов (социального происхождения, состава семьи, ее материального положения, образования и профессии родителей и т. п.)?»

Большинство опрошенных экспертов считает, что указанные социальные факторы, безусловно, влияют на успешность сдачи ЕГЭ. Особую роль играют материальное положение семьи, так как «более обеспеченные семьи могут предоставить своим детям дополнительную подготовку с репетиторами для более успешной сдачи ЕГЭ»; заинтересованность и поддержка родителей; семейные традиции, а также социальное положение семьи: «Если это семья, где родители имеют высшее образование, где родители занимают какие-то высокие должности, то вероятно, они будут стараться и детям дать качественное образование».

Влияние также оказывает состав семьи: «Если, допустим, полная семья, то здесь больше возможностей подготовиться и успешно сдать экзамен. Если неполная, то в этой семье обычно больше проблем, тяжелое материальное положение, какие-то конфликты. Но может быть и по-другому». Лишь один эксперт высказал иную точку зрения. Он считает, что перечисленные факторы не оказывают прямого влияния на успешность сдачи ЕГЭ. Основополагающими, по его мнению, являются мотивация самого учащегося и стечение различных обстоятельств.

Участникам экспертного интервью требовалось также ответить на вопрос, прозвучавший в таком контексте: «С введением ЕГЭ часть “сильных” абитуриентов потеряли провинциальные вузы, усилилась учебная миграция молодежи из регионов в столичные города. Насколько остро, по Вашему мнению, стоит эта проблема? Можно (нужно?) ли ее решить? Каким образом?». Только каждый пятый эксперт полагает, что описанное явление не является проблемой: это «естественный процесс, который не нуждается в решении». Но большинство респондентов считает, что названная проблема стоит очень остро. С каждым годом увеличивается приток молодежи из провинции в крупные города, в которых большая часть выпускников и остается, «т. е. для абитуриентов это очень хорошо, так как появляется возможность получить образование, хорошо устроиться, но выпускники, уехавшие из провинции, в большинстве случаев не возвращаются обратно, территории постепенно деградируют». Следует отметить, что эксперты предложили меры по смягчению данной проблемы:

1. «Нужно активнее на основании договоренностей с муниципалитетами развивать систему целевой подготовки востребованных при полной или частичной компенсации вузу средств, затраченных на их подготовку».

2. «Решение социальных проблем (жилье, школы, детские сады, материальная поддержка молодых выпускников)».

Организаторов исследования интересовала также динамика отношения к ЕГЭ населения и экспертного сообщества. В связи с этим экспертам был предложен вопрос «с момента своего введения ЕГЭ находится в фокусе общественного мнения. Изменилось ли отношение общества к нему за последние 10 лет? Каким образом?». Подавляющее большинство экспертов

считает, что отношение общества за последнее десятилетие к нему изменилось: оно приняло эту образовательную реформу, в какой-то степени приспособилось к ней, т. е. «общество уже привыкло к ЕГЭ и реагирует на него не так остро, как в первые годы его введения», «несмотря на то, что у ЕГЭ много недостатков, он совершенствуется», «успело смениться поколение, люди как бы смирились...».

В заключение необходимо было выяснить, как в целом эксперты оценивают итоги введения ЕГЭ, каковы его главные плюсы и минусы. При всех очевидных недостатках половина экспертов положительно оценила предварительные итоги введения ЕГЭ, четверть специалистов дали отрицательную оценку, еще четверть не смогли дать однозначного ответа. Среди главных достоинств ЕГЭ участники исследовательского проекта отметили унификацию методов оценки знаний учащихся, повышающую объективность оценочных процедур; доступность и прозрачность технологии проведения ЕГЭ; выполнение ЕГЭ роли социального лифта; уменьшение масштабов коррупционных проявлений. Среди недостатков ЕГЭ эксперты указали невозможность среднестатистическому выпускнику школы глубоко освоить все предметы, которые выносятся на аттестацию в форме ЕГЭ; «натаскивание» учеников в процессе подготовки к сдаче экзамена; большая психологическая нагрузка на выпускников, способная привести к нервным срывам; общее снижение качества школьного образования, так как «все элементы дидактической системы связаны и изменения формы контроля неизбежно влечет за собой изменения в содержании и методах обучения».

Показательно, что почти все эксперты считают, что отмена ЕГЭ и возвращение к традиционным экзаменам невозможны и нецелесообразны: «Скорее всего, будет продолжаться реформирование и совершенствование ЕГЭ, так как точка невозврата уже пройдена». Эксперты также высказали ряд рекомендаций по совершенствованию ЕГЭ, например при составлении КИМов больше ориентироваться на школьную программу, учебники для общеобразовательной школы, не выходить за их рамки; усилить методическую подготовку учителей, сделав их «экспертами ЕГЭ на школьном уровне»; гуманизировать саму процедуру проведения экзамена, т. е. создать доброжелательную обстановку, снизить уровень стресса, переживаемого учащимися; продлить сроки записи на экзамен, дав тем самым возможность учащимся сделать более взвешенный выбор сдаваемых дисциплин.

Библиографический список

1. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Отношение первокурсников ТвГТУ к Единому государственному экзамену: социологический анализ // Саморазвивающаяся среда технического университета: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 8–9 февраля 2018 г., Тверь: в 2 ч. / под ред. Е.А. Евстифеевой, С.В. Рассадина. Тверь: ТвГТУ, 2018. Ч. 2. С. 79–83.
2. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Единый государственный экзамен и проблемы качества образования // Качество образования как важнейший аспект модернизации деятельности учебного заведения: материалы докладов заочной научно-практической конференции / редколл.: В.В. Белов (отв. ред.), В.Б. Петропавловская, И.В. Провоторова. Тверь: ТГТУ, 2010. С. 5–8.

3. Григорьев Л.Г. Единый государственный экзамен: отношение студентов (социологический опрос) // ALMA MATER (Вестник высшей школы). 2009. № 1. С. 32–33.
4. Гришина С.А. ЕГЭ как система аттестации выпускников школ России // Наука и образование сегодня. 2015. № 1. С. 67–69.
5. Солодников В.В. Единый государственный экзамен: оправдались ли ожидания? // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 5 (105). С. 113–122.

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE UNIFIED STATE EXAMINATION INTRODUCTION IN RUSSIA: THE OPINION OF EXPERTS

M.V. Blokhina, L.G. Grigoryev

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the study of the prerequisites for the introduction, social consequences, problems and prospects for the further development of the Unified State Examination (USE) in the Russian Federation. The social aspects of the introduction of USE in the Russian Federation are analyzed on the basis of expert survey data.

Keywords: *education, educational policy, educational reform, unified state exam, social consequences, expert survey.*

Об авторах:

Блохина Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 8156-3243; e-mail: bmvtsu@mail.ru

Григорьев Леонид Геннадьевич – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 4729-1001; e-mail: grig1969@rambler.ru

Authors information:

Blokhina Marina Valeryevna – PhD (Social Sciences), Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 8156-3243; e-mail: bmvtsu@mail.ru

Grigoryev Leonid Gennadyevich – PhD (Philosophical Sciences), Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 4729-1001; e-mail: grig1969@rambler.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать ранее не публиковавшиеся результаты исследований. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора MicrosoftWord.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее на следующей строке заголовок, затем на следующей строке инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Затем пропуск одной строки, затем текст, после текста – библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **MicrosoftEquation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, зав. кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77 – 74959 от 25.01.2019 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22.

Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2 (25), 2021

Редактор Ю.А. Якушева
Корректор Я.А. Петрова